

18+

ЛЮБОВЬ СУШКО

Жизнь и смерть князя Святослава

Князья и воины

Любовь Сушко
Жизнь и смерть князя
Святослава. Князья и воины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39491018
ISBN 9785449396501*

Аннотация

В цикле «Князья и воины» повествование о князя Святославе – самом известном из Рюриковичей, внуке легендарного Рюрика, который был прежде всего отважным воином и не знал поражений. Во второй книге воевода Свенельд рассказывает сыну Святослава Ярополку о том, как это было. Жить и старому воеводе и молодому князю осталось совсем недолго.

Содержание

Пролог	6
Вступление	8
Часть 1 Из будущего в прошедшее	22
Глава 1 Разрушить все	22
Глава 2 Юный властелин	26
Глава 3 Княгиня	32
Глава 4 А тем временем	38
Глава 5 Миф о блудном сыне	44
Глава 6 Будущее в прошедшем	48
Глава 7 Они сошлись	52
Глава 8 Возвращение к Былине	56
Глава 9 Добро и зло	63
Глава 10 Противостояние	67
Глава 11 Соперницы- врагини	71
Глава 12 Вторжение	74
Глава 13 Печали и радости	77
Глава 14 Возвращение к делам	81
Глава 15 Схватка с печенегам	86
Глава 16 Начало сражения	92
Глава 17 Триумф победителя	97
Глава 18 Первые шаги	101
Глава 19 Расправа	106
Глава 20 Пир Святослава	110

Глава 21 Возвращение наложницы	115
Глава 22 Пробуждение	120
Глава 23 Вторжение	123
Глава 24 Страшное пророчество	126
Глава 25 Новый бог	131
Часть 2 Большие дела	134
Глава 1 Княжеский пир	134
Глава 2 Предательство	138
Глава 3 Убийство	144
Глава 4 Призраки в ночи	148
Глава 5 Переезд	154
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Жизнь и смерть князя Святослава Князя и воины Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-4493-9650-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**КНЯЗЬ – ВОИН
И БЫЛ ОН ТОЛЬКО СЛАВНЫЙ ВОИН**

Пролог

Мчатся дивные кони, тихо тают в тумане,
Возвращается страсть, и сражение манит.
Нас опять окружают дивных викингов песни,
Это старые мифы в поднебесье воскресли.
И князья удалые будут к нам благосклонны,
И проносятся кони, и глядят удивленно.
Там волхвы молодые, нет пленительней магов,
И еще остается, и любовь и отвага.
– Что ты снова за саги, нам бы надо про чувства,
Но опять побеждает, и любовь и искусство.
И прекрасные девы во мраке встречают,
И родные напевы снова нас окружают.
Кто там – свет этот дивный? Там красавица Лада,
Где-то в шелесте ливня и любовь и отрада.
Это Русь дорогая в дивном свете и звоне,
И несутся куда-то наши легкие кони.
Мы встречаем их снова в тиши на рассвете,
Мир прекрасный и новый там солнце осветит,
Это гордая ведьма с русалкой воркует,
Все растаяло где-то, только Русь торжествует.
Никаким басурманам ты уже не подвластна,
И не взяли обманом – старались напрасно.
Там волхвы молодые, нет пленительней магов,
Нам еще остается, и любовь и отвага,

Нам останутся саги и песни о битвах,
И лежат они где-то в курганах забытых,
Но однажды проснутся и, даль рассекая,
Снова песни польются, на Русь увлекая,
И прекрасные девы во мраке встречают,
И родные напевы снова нас окружают.
Возвращается страсть, и любовь тебя манит,
Мчатся дивные кони, тихо тают в тумане....

Был он воин и только. И детям своим кроме преданности
оружию и ратной доблести, ничего более передать не мог.
И в русской истории ВОИНОМ остался. Опаленная гибель-
ным пожаром Искорстаня, душа его не могла найти покоя.

Повести временных лет.

И БЫЛ ОН ТОЛЬКО СЛАВНЫЙ ВОИН

И начнем мы повествование о Святославе, сыне Олега
и Ольги, воине воинов и князе князей. Не грешно и нам се-
годня, присоединяясь к бесчисленным сказаниям и леген-
дам, написать еще одну. Пусть сей славянский король Ар-
тур, спавший до сих пор богатырским сном, воскреснет сно-
ва и промчится на коне своем боевом, по тем землям, кото-
рые он когда- то защищал и завоевывал, поливая собствен-
ной кровью. Он достоин того, чтобы мы, сколько бы времени
не прошло, помнили о нем.

Вступление

И снова белый лист бумаги. И снова комната, забитая книгами, рукописями с замысловатыми записями. И имена, имена Гостомысл, Рюрик, Олег, Ольга – далекие наши предки становятся ближе, роднее, понятнее.

Мой собеседник смотрит в пустоту, куда-то выше моей головы, он отключился от реальности, хотя и внимательно следит за каждым движением. И с ним я постепенно перебираюсь в прошлое, и нереальным кажется настоящее.

Эпоха четвертого славянского князя. Он был после Рюрика, Олега и Игоря с Ольгой. Его знают лучше предшественников, о нем так много писали в древних рукописях, им восхищались.

Его мы видели в младенчестве, рядом с матерью его княгиней Ольгой, когда полыхали города древлян. Он видел, как она мстила коварным за гибель отца его. Отмечали, как угрюмо взирав он на происходящее. Кажется, что он рос у нас на глазах, и ушел от матери своей, не желая принимать христианство и подобно отцу своему оставаться до конца дней в тени Олеговой.

– Ты рвался о Святославе поведать, – Напомнила я на этот раз моему вечному рассказчику.

Но дух противоречия в нем неистребим.

– Рвался, когда ты меня о викингах и Рюрике пытала, а те-

перь не хочу.

– Что так? – удивляюсь я, понимая, что если он и на самом деле не хочет этого, то заставлять его бесполезно, он слишком упрям. Но, скорее всего он только капризничает и набивает цену. Я знаю, как любит он говорить о Святославе, может быть потому, что бывал с ним чаще, чем с другими, и виноват перед ним больше, чем перед ними. И он считает его главным своим завоеванием, отвоеванным у ненавистной христианки – княгини Ольги.

В противовес светлому, мудрому и прекрасному Олегу, которого невозможно не любить, Святослав иногда кажется таким суровым, что любить его невозможно, он жесток и упрям. Но истина где-то посередине. Многое наносное, придуманное врагами о князе позднее. Стоит только взглянуть и вслушаться, понять, как было на самом деле и ясно, что это не так. Трагедия эта более страшна и глубока.

И мы любим его, гордимся им, и вслушиваемся в ту историю, которую поведали нам древние летописцы.

Есть особые люди, особые события, особенные обстоятельства.

– Да что Олег, – врывается в мой внутренний монолог Мефи, о нем я успела почти забыть к тому времени. Я могла бы заступиться за Олега, но думаю теперь о князе Святославе – упрямом мальчишке, брошенном в водоворот недетской борьбы, храбрейшем из мужей, и мне не хочется снова уходить в Олеговы дали. Хотя Олег и Святослав – это две стороны

одной медали, две половинки души нашей.

— Его Бог погубил, — тяжело вздыхает собеседник мой, и я уже не понимаю, о себе или о князе он говорит, и напряженно жду объяснения. Он знает, что я его жду, и долго молчит.

— Почему ты так говоришь? — спрашиваю я.

Он не верил его и отвергал, и остается его вечным противником на все времена. Ему нет никакого дела до Бога.

— Так то оно так, но он никак не оставляет нас в покое. Мы никак не можем успокоиться. И князь ждал подвоха, постоянно, еще больше, чем верующий о нем думал, и не то, чтобы боялся, он ничего на свете не боялся, он ничего в мире не боялся, но оглядывался постоянно, — задумчиво рассуждал бес. Кажется, я понимала его, а может, только догадывалась о том, что, скорее всего он, говорит правду. Хотя вполне возможно, что он просто издевается, и запутать меня хотел. Не потому ли сейчас так насмешливо и злорадно взирает из-за угла своего.

— Князь слишком любил воевать, со всеми без исключения, начал говорить он, и я настраиваюсь на эту волну.

— Он был наказанием для матери своей, но и Владимир стал сущим наказанием для него, — вдруг догадываюсь я, удивляясь тому, как неумолимо, невероятно все повторяется. Как взаимосвязано одно с другим.

И снова тризна, как когда-то, когда мы с ним впервые встретились. И Ольга была молодой и яркой. Только это не языческая тризна, а христианская панихида. Действо но-

вое и оно кажется чудным для них. Какой невероятный путь проделала княгиня Ольга. Бес спокоен и неутомим. А мне нет, и не может быть покоя, хотя и не ясно почему. Я понимаю., как неуютно, пусто и уныло должно быть Святославу на этих похоронах. Какими чужими и далекими они должны казаться ему, и все-таки он не осмелился нарушить волю матери, и распорядился похоронить ее по христианскому обычаю, хотя это доставляет ему почти физическое мучение.

Но ничего, завтра все изменится, он просто уйдет от новой веры, неистребимой в их душах. Она медленно, словно паутина, охватывает их тела. Но сам он никогда не будет причастен к этому и останется до конца со старыми богами. Она одолеет язычество только после его ухода, но не в его бытность. Благими намерениями он стелет себе дорогу в ад, смешно, больно и грустно все происходящее там.

Говорят, что Боги жестоко мстят. Уж, не из той ли самой чаши пил он и просил понести ее мимо – не вышло.

А память возвращает нас к самому началу его пути. В те дали. К тем необъятным просторам. И князь – воин в белых одеждах, во всей красе своей в полный рост встает перед нами, улыбается загадочно и молчит. Его трудно представить улыбающимся. – Суровый, наверное, так прозвали его недаром. И я пытаю беса, почему он не показывал ему духов своих. Отчего этот князь – язычник оказался оторван и от земных, и от водных и от домашних духов, они никакой роли почти в жизни его не играли.

– Я показывал их только тем, кто сам на них посмотреть хотел, – упрямо говорит он, а Святослав только на свой меч наделся и считал их пустой забавой, вот и пусть обходится, как знает, – он скорчил при этом обиженную мину.

Каждый мир существует таким, каким мы его хотим видеть. Если Олег верил в то, что подводное царство существует, и был с ним душой связан, то для него так это и было на самом деле, а если Святослав не обращал на это никакого внимания, то для него ничего этого и не было никогда, – пожал плечами бес.

Да и у нас нынче мир такой, каким мы его себе представляем.

– Но ты был жесток по отношению к нему, – не удержавшись, упрекнула я его, зачем ты заставил его заглянуть во Владимировы времена?

Он должен был все это увидеть и понять. Любой рано или поздно столкнется с делом своих рук.

Так мы и отправились в Святославовы времена на первую христианскую панихиду княгини Ольги.

ДО КНЯЗЯ. СОН О РЮРИКЕ И СКАЗ ОБ ОЛЕГЕ СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

Он рос и мужал среди этих снегов и дружины,
И был он чужим, как не чувствовать это опять.
И лишь королева смотрела печально на сына,
И страшную тайну хранила, ей слез не унять.

– О чем ты, зачем ты мальчика этой сказкой тревожишь? —

Суровый король все прощал ей, а тут не сумел.
И где-то в снегах, узнавал он пока осторожно
О дальней земле, ею дед его грозный владел.
– Я жду тебя Рюрик, – над миром суровым несется, —
Вернись, чтобы княжить, пусть в Ирии наши сыны,
Но мир сохранен, ты надежда и яркое солнце,
И тихо склонился Орел седовласый над ним.

4.
Тогда и проснулся средь ночи крошечной орленок,
Сорвался он с места, и бросился в небо опять.
– О, что с тобой Рюрик? – спросила она удивленно.
И гордая Гида умела с ним рядом летать.
– Мы скоро отправимся в мир, где царили славяне,
Зовет меня дед, я останусь там князем навек.
И гордая птица кружила в тиши над полями,
Пока от бессилья не падала комом на снег.
Но даль эта снова в тумане небесном вздыхала,
И странные песни казались сегодня родней,
И гости внезапно врывались: – Славяне, слыхала,
Отец твой их шлет, отправляй же им сына скорей.

5.
6. В Новгороде

Старик умирал, он смотрел безнадежно на небо,
И снилось ему, как когда-то он шел по полям
В неведомый город, где жили лишь гордые предки,
– Домой возвращаться велели, о, други, и нам.

И люди в тоске и тревоге его не оставят.
Пусть гибли до срока, но где-то светился вдали
Сожженный Славенск, он в трясине болотной восстанет,
Он будет сиять, защищенный в тумане любви.
Его они строили вечность, и век защищали.
Он был неизменно их князем – суров и красив,
Но дни сочтены, и уже окружили печали.
Дождется ли Рюрика. Песни унылой мотив.

7.

Там викинги пели о мире, оставленном где-то.
– Опасность над нами? – хрипел, задыхаясь, старик.
Но не было больше ни солнца, ни дивного света,
Лишь Велес могучий над телом застывшим стоит.
– Предайте огню, – он твердил, – и оставьте до срока,
Пусть видит воитель, что мир его дивный спасен,
Я сам проведу этих викингов, всюду болота,
Но Рюрик летит, и дружиною он наделен.
И вспыхнул костер погребальный над этой равниной,
И скорбные воины видели славный конец,
А в миг, когда князь этот мир так спокойно покинул
Явился из леса, красивый и сильный юнец.

8.

Князь вместе с Олегом на дивной поляне пирует,
И девы, и духи его в тишине обступают.
И мир, возрожденный с ним вместе смеется, ликует.
Жар цвет из болота им Одд в этот год добывает.

Он смело прошел все тропинки, врываясь в пучину,
В дремучем лесу его духи и звери пугали,
Но викинг прошел, и тот мир никогда не покинет,
О, огненный свет, он желания все исполняет.
И дева прекрасная к викингу нынче прильнула,
И Рюрик смеется, – Ты будешь удачлив, мой друг.
И огненный цвет сама Лада ему протянула,
Рассвет наступил, жизнь вывается в яростный круг.
11.

В тумане веков проступают прекрасные лица,
И древние саги становятся ближе в тот миг,
Дружина в походе, но князь Гостомысл неистов,
Он думает снова о людях и землях своих.
Он видел во сне, как сыны его гибли внезапно,
И юные внуки остались в тумане снегов.
Несется дружина по полю с отвагой, с азартом,
И снова разят его воины грозных врагов.
Что будет потом, нет, не хочется думать об этом,
Земля завоевана, кто же ее сохранит.
И викинги снова подходят к границам, и с ветром
Их грозная песня над миром славянским летит.

2.

Рассвет, и в тумане мелькают знакомые лица.
И древнего города вижу опять я холмы.
– Что нынче случилось? — Сражение, воинам биться
Придется с врагами, и пали в той схватке сыны.

А дочь пленена, и ее увозили куда-то,
Остался один, и молчит среди этих холмов,
На тризне печальной давно посчитали утраты,
Князь стар и устал, он не в меру сегодня суров.
– Идите туда, посмотрите, родится там Рюрик,
Скажите ему, что я буду лишь воину рад.
И воины снова в просторы снегов заглянули,
Ушли к королю, и никто не вернулся назад.
3.

Молчит королева, навеки придется расстаться,
Но здесь удержать его сможет она навсегда?
И Одда нашла, как умеет мальчишка сражаться.
– Иди, туда, милый, его загорелась звезда.
И ты завоюешь тот мир, это пряхи сказали,
Поможет Перун, будет Велес с тобою, мой друг.
И слушал чужак, и внимал и любви и печали,
И меч он сжимал, воевода и воин, и друг.
А Рюрик летел в эти синие дивные дали.
Впервые увидел, и понял, какой там простор.
– Смотрите, о, братья, мы только во сне пировали
На землях славянских, но час нам вернуться пришел.

– Здесь мир твой, о, Рюрик, – твердил ему радостно
Велес, —
Он был до тебя, он останется после, поверь.
Пришел навсегда ты, и птицы в тумане распелись.

Иди и владей, мой орленок, землю своей.
Ты будешь силен вместе с девой снегов и Олегом,
Потомки твои эту землю потом сберегут.
И слушая Велеса, кони чужие с разбега
Призывно храпели и таяли где-то в снегу.
И вышел к кургану силен, знаменит и прекрасен,
И тень Гостомысла металась в огромном костре
– Дождался, – хрипел он устало, – как радостен праздник,
Наш Рюрик вернулся, останется он на земле.

9.

В сиянье весны к ним спускалась веселая Лада,
И с Чашею Сварога вышел Ярила к нему.
– Храни ее вечно, за верность и силу награда
И дивная чаша – Жар-птица осветит ту тьму.
Поднял ее воин, и тьму в тишине осевшая,
Все поняли снова, не русич, но светлый их князь,
И гордые викинги, в битвы отважно шагая,
Сражались и гибли, и вновь поднимались, смеясь.
Там Игорь родился в плену этой силы и воли,
И мир озаренный казался сильнее и прекрасней,
Гроза в небесах, – им Перун говорит, что доволен,
И беды отступят, Купалы приблизился праздник

10

Так Рюрик наследника миру спокойно оставит,
И с ним воевода, им вместе сражаться опять.

И древние боги помогут, и яростно правит
Отважнейший воин, и княжич готов воевать.
И к древнему Киеву снова ладьи их уходят,
В неведомый мир, отправляется нынче Олег,
И он покорится, и девы в тиши в хороводе
За лучшим из воинов снова стремились на брег.
– Иди там и правь, – говорил ему Велес спокойно, —
С тобою мой Киев, останется, знаю, в веках,
К Днепру приближался отважный и яростный воин,
И чашу сжимал в этот миг в своих сильных руках.

12

И Чаша напомнила миру о воле и власти,
И Киев сдается на милость, и он покорен.
Какие там битвы, какие там грозные страсти,
Смирят их Олег, и с хазарами справится он.
Потом засветилась в тумане звезда Византии,
Царьград рассмеется, угрозу услышав вдали,
Да рано смеются, еще им сраженья такие
Устроят Олеговы воины, только смотри.
И щит на воротах, и печали, и слово о Чаше,
И древние боги сильны с ним, и дивная Русь.
И сам император о мире просивший все чаще,
На пир поспешил, не скрывая и ярость, и грусть.

13.

Смотрел он в глаза, снова видел:– Не русич упрямый,

А викинг могучий сражается с ним до конца.
Признать поражение – начало и боли и драмы,
Распятый Царьград не поднимет пред князем лица.
Уходят до срока, там, в Киеве, ждут их хазары,
И земли родные придется еще защищать,
И юная Ольга влюбилась в Олега недаром,
И лишь усмехнулся усталый и яростный князь.
– Ты будешь над ними и миром, о, юная дева,
Мой век завершен, я не смею противиться боле,
Смотрел он на Велеса и не скрывал больше гнева,
Но викинг метнулся внезапно в бескрайнее поле.
14.

– Мне к Рюрику нынче на пир и на бой собираться,
Закончены дни, мир иной и иная борьба.
И волхв с ним рядом, и надо им в небо подняться,
И к дубу священному снова уводит тропа.
Могучие руки его эти ветви сжимали,
И видели все, как врывался он яростно в небо,
И там Берегини с улыбкой его провожали,
И Ольга страдала, смотрела то тихо, то немо.
– Прощай, властелин, нам еще на земле оставаться,
Но вынесем все, и уже подрастают сыны,
Князь Игорь смотрел, как звезде в небесах загораться
Еще предстояло, и видел тревожные сны.

15.

Он видел древлян эти дикие жуткие рожи,
Толпа приближалась, расправу над ним учинить,

И станет поход для него тем погибельным роком,
Он звездную Чашу не смог удержать, и поник.
И Ольге тогда оставаться придется вдовою,
И мал Святослав, что за доля теперь у юнца.
– Как страшен мой сон, и какие он дали откроет.
И князь уходил, вспоминая во мраке отца.
– О, Рюрик, спаси, помоги мне в седле удержаться,
Хрипят мои кони, и мир надвигается зло.
И странные тени над этой землею теснятся,
И дивные духи пытаются его на излом.
16.

Так мал Святослав, а жена моя силы не зная,
Не сможет остаться одна, помоги мне опять.
Но черные кони, куда-то по тьму улетают,
Пред вечной бедою и смертью останется князь.
– Почто ты оставил, нелегкая Доля такая,
Вернее Недоля меня не оставит вовек.
Древляне из бездны к нему в этот вечера шагают
И падает Игорь в печали бесстрастно на снег.
Лишь волки над миром поверженным яростно воют.
Мелькнул и погас над главою кровавый закат.
Вдруг отрок проснется, и женщина, ставши вдовою.
Заплачет о князе, но он не вернется назад.

17.

Врывается тень, и просила она об отмщенье,
Не будет покоя ни мертвым теперь, ни живым,
Древляне трепещут, им тоже являются тени.

– Горим мы в огне, мы в бессилии вечно говорим.
Но надо смириться, а как еще можно смириться?
И хочется снова остаться в тиши у огня.
О, Русь моя, снова мне время лихое приснится,
И князь Святослав не отпустит в реальность меня.
Несутся куда-то во тьму одичалые кони,
И воины немые на дикой охоте своей.
Душа замирает во мраке от вечной погони.
И дивная Русь проступает в тумане ясней..
18.

Там пир или тризна, не знаю, мой ангел, не знаю.
Но слышу Бояна, и песнь его нынче ясна,
И снова дружинники князя в тиши вспоминают.
Высокая женщина, кто же, скажите она.
Живет моя Русь, и ее охраняют поэты,
И светлые песни, над миром весенним летят.
И белые кони идут к водопою с рассветом.
Очнулся от сна, и выходит из гридни наш князь.
И в этом порыве, о русич, с тобой мы едины,
Нас черные тени не смогут, я знаю, смутить,
И новая песня становится снова былиной,
И голос Бояна над милой землею летит.

Часть 1 Из будущего в прошедшее

Глава 1 Разрушить все

Отзвучали голоса панихиды. Тело Ольги было предано земле по христианскому обычаю. Святослав старался исполнить ее наказ. И приближенные с опаской говорили о том, что он может к ее богу взор обратить, а к их Перуну охладеть. Так изменился он в эти скорбные дни. Обещания, данные матери, были исполнены. И если она все это видела с небес, то должна быть довольна происходящим. Но сам он твердо знал, что это первая и последняя уступка ненавистной, чужой вере, которая одурманила и некоторых воинов его, но сам князь точно знал, что останется, тверд в своих убеждениях до конца.

И еще один человек среди собравшихся – греческий священник не питал иллюзий по этому поводу. Отслужив панихиду, он понял умом и чутьем тонким, что для него закончилось благодатное время. Он должен расстаться с иллюзиями о том, что ему удастся сладить с новым князем, не случится это, пока он жив и правит в этом мире. А бороться и яростно сопротивляться ему сил в себе он не находил. Он останется здесь, (его предшественник ушел без всяких объяснений), но все, что происходит, больше не станет играть никакой

роли, все напрасно. Костер, который вспыхнул при княгине Ольге, молодой князь безжалостно затушил. Он ждал, пока его пригласят к Святославу, но этого не случилось, и у него не хватило духу напоминать о себе. Тогда он неожиданно для себя стал собираться в путь, и поспешно покинул границы земель русских. Что еще ему оставалось в изменившемся мире?

Все знали о том, что крутого нрава Святослава больше никто не сможет усмирить. Вот и приняв неожиданно решение, он тверд был до конца.

Но как трудно привыкнуть к новому положению священнику, прожившему относительно благополучно десяток лет, и ни в чем отказа не ведавшего. За это время он успел уверовать в победу истинной веры над окаянным язычеством, но все возвращалось на круги свои, все оставалось неизменным для него. Подвергать себя страшной опасности быть принесенным в жертву на старости лет он не хотел, потому и уходил без возврата. И что мог он против веча и гнева княжеского? Да ничего не поделаешь с этим. И рвал связи, и оставлял завоеванное. Он и раньше знал, что Ольга не вечная. Но упрекал своего бога за то, что она ушла слишком быстро. Почему нужно было безжалостно растоптать росток, потянувшийся к солнцу и свету, кому и для чего нужно такое жуткое испытание. Он не мог понять это, как ни старался. И росток, хотя и вырос, но очень быстро зачах. Может быть, князь образуеться и на него сойдет просветление, ведь и кня-

гиня Ольга не сразу стала такой. Но пока ему в это верилось с трудом, и никакой надежды в душе не оставалось больше.

Когда он столкнулся с ним в последний раз, то в холодных глазах его не заметил и тени прозрения, ничего не осталось, кроме злобы и ярости. Но Ольга тогда была жива и сильна, как всегда, и она быстро освободила его из темницы, куда бросил его Святослав, а теперь он просто спасал свою жизнь. Князь отыграется сполна, может быть прибьет его как собаку, и никакой пользы никому от этого не будет. А он всегда славился разумностью.

Монах, усевшись в карету, еще раз оглянулся на растаявший навсегда город. Он поставил последнюю точку. Никогда больше не ступит его нога на эти земли.

Но куда отправляться? По дороге он задумался не о прошлом, которого не вернешь, а о грядущем. Через несколько дней корабль отбудет в Царьград. Только туда лежала его дорога. Пока на время он должен был побывать там, а потом все видно будет, ведь век человека короток, княжеский еще короче, а у такого, как Святослав, он может и из пары лет состоять, если не меньше. Ему хотелось верить в то, что все так и будет. Он отдохнет и обдумает все хорошенько. Надо рассказать императору о последних днях и кончине Ольги, оправдать свой побег и заверить, что он снова будет там, повелитель еще и оглянуться не успеет.

Но побег оставался побегом, как бы его не называть, из-за этого еще долго будет мучить совесть, и мысленно он будет

готовить пылкие и яркие речи для оправдания, а уж в том, что он был пылок и красноречив, знали все.

И стыдно ему было перед усопшей княгиней и теми немногими русичами, которые поверили ему и пошли за ним, не устранившись грозного князя. Но так устроена жизнь, теряя что-то, человек обретает значительно больше, ему всегда воздается по заслугам.

Глава 2 Юный властелин

Монах, обуреваемый сомнениями и страхами, уехал как раз вовремя. Молодой князь Святослав круто взялся за дело, на девятый день поминовение еще состоялась, но о сороковом уже никто не помнил. Хотя, по тайному его приказу, уже на девятый день в чулан были вынесены все Ольгины иконы и распятия. Уцелели они только благодаря дальновидности и преданности княгине слуг ее, они стремились на память о ней сохранить красивые, и, может быть дорогие вещи.

А сам князь велел разжечь костер, чтобы на глазах у всех бросить туда все сокровища чужой веры, и у страшить тех, кто успел заразу эту вкусить.

Но найти ему ничего не удалось, как не гонял он воинов своих, вместе со жрецом исчезли все его вещицы, так бережно хранимые еще недавно в царских покоях.

С досадой обратил он взор свой к небесам. Уж не прихватила ли Ольга с собой богов своих?

Святослав понял, что княжеская власть дает много, но не все, но долго не переживал о неудавшемся возмездии. Еще меньше переживал великий князь о сбежавшем монахе. Надо было как можно скорее позабыть о том, что здесь происходило в дни смерти княгини Ольги.

Долго смотрел князь на воевод своих, побывавших в доме у жреца и о побеге ему поведавших. Он хотел понять,

не они ли сами его обо всем и предупредили и помогли ему скрыться.

Но воины не понимали, чего от них упорно добивается их князь. Они ни в чем не были повинны, побродив по пустому дому, отправились прочь, и только. Расправы не получится – это было видно всем.

Но князь на мгновение подумал о том, что их бог может быть и на самом деле существует, если все так складно и ладно оказалось. Но он не повалял себе расслабляться: «Убрался и черт с ним», Хотя и досадно было, что они не увидели нового распятия. И если он, их бог существует, пусть потом воскресит его, и докажет, что все муки и усилия были не напрасны.

Во сне матушка угрожала ему мстью и страшной карой за помыслы его северные, но даже если и так, почему он в собственной постели умирать должен, только в сражении с врагами красна смерть для настоящего викинга, а потомком тех безрассудных воинов он и считал себя. Он останется в сердцах славян лучшим из лучших.

Но перед глазами встало холодное, неподвижное тело ее. Как она окаменевшая, уходящая в землю навсегда, могла отомстить ему? Смешно и глупо, а он не собирался морочить себе голову такими глупостями. Еще несколько дней назад он не верил в то, что она может умереть. Она жила так долго, и казалась ему вечной, но и она стала, как он убедился, тленом и прахом. Это открытие вселяло тоску и развязывало

ему руки. Она беспомощна, грозная его мать, равнодушна ко всему, что будет тут происходить дальше. Помня о ней, он не должен брать ее во внимание и жить своей жизнью.

Ну а душа? А что такое душа? Кто и когда ее зрел? Пусть о ней монахи старушкам рассказывают да пугают карой небесной за грехи, а он – воин. Нив чем и никогда не смогут они убедить его, никогда не испугают.

NoNoNoNo

Отпустив дружинников, князь остался в гридне один. Он думал о том, что делать дальше. Неудачи не пугали его. Так много важного было впереди, а он стремился вперед, а не назад. Но самая главная проблема его в том заключалась, что он должен сделать выбор – к Анне или Марии ему теперь отправляться нужно на эту ночь. Правда, недавно женился он спокойной и ласковой дочери варяжского князя Любаве, но решил, что баловать ее особенным своим вниманием незачем. Развлечься с одной из старых и верных своих жен, ими забытыми из-за женитьбы и смерти матери – это самое верное дело.

Всех женщин этих еще в юности князя определила для него мать. С ними было интересно и разнообразно, а это – самая большая радость.

Когда-то они учили его любовным утехам, теперь он сам любую горазд был научить. И это была, чуть ли не единственная наука из всех возможных, которую он так хорошо усвоил. Хотя он не был особенно ласков ни с одной, никого

не любил, считая это слабостью, и с возлюбленными своими не особенно церемонился, не терпел дерзости и сопротивления их, и прощался с любой без сожалений.

И в минуты ласк он оставался мрачноватым и грубоватым, чаще без лишних слов брал ту, к которой приходил и толкал на ложе. Чувства в душу свою допускал редко и ни одной, помня о слабостях Олеговых, не позволял одержать над собой верх. Он пользовался всегда готовым откликнуться телом женским, и, получая наслаждения, уходил, что-то буркнув в оправдание. Если задерживался, то засыпал, отвернувшись к стене, и на утро уходил, не взглянув в лицо, словно его могли уличить в слабости. Но чаще всего, полежавав немного, переводя дыхание, уходил тут же, предпочитая проводить ночь в одиночестве и размышлениях, и не повторять совершенного один раз, он берег свои силы. Ни одну из них о своем приходе он не предупреждал заранее, никогда не интересовался той, которая была рядом, ни лица, ни голоса не помнил, только очертания фигуры, да и то скорее наощупь, чем зримо.

Об этом среди возлюбленных жен его ходило немало слухов и шуток разных, часто они бывали грустными и ироничными, потому что каждая новая жена хотела большего, но им оставалось только смириться с происходящим.

Они говорили о любви, рассказывали достоверные истории об Олеге, а потом о великолепии и благородстве императора византийского. Шум о похождениях русской короле-

вы — княгини Ольги не смолкал и после ее ухода. Заезжие купцы говорили о сладострастии турецкого султана.

А жены князя не считали себя даже соперницами, скорее подругами по несчастью. Они убедились в том, что Святослав не только не предпочтет одну из них, оставив в покое остальных, но будет набирать новых жен, и вряд ли отличает их по лицам и именам.

Может в чем-то они, и были несправедливы, но все так и было тогда. Потому он и сидел, задумчив, никак не мог решить, к Анне или к Марии ему отправиться следует.

Иногда, надо отдать ему должное, он обращал внимание на тех, кто рядом с ним на ложе лежал, но это быстро забывалось, как только появлялись какие-то мало-мальски важные дела.

Но в тот момент он думал о том, что Мария слабовольна и самовольна, а может быть насмешливой и ироничной, что ему нравилось еще меньше. Зато Анна спокойна и невозмутима, но ему всегда хотелось, чтобы она была немного живее и нежнее. Жена же в сравнении с ними (та, которая была самой первой) и вовсе безропотна, беззащитна, пуглива. Она едва сдерживала ужас, когда он стремительно, всегда неожиданно появлялся в ее покоях. И когда-то это ему даже нравилось, но быстро надоело. И он все время искал женщину сильную и волевою. Хотя понимал, что она будет похожа на его мать, а от нее он всегда старался убежать как можно дальше.

Так и метался сын Игоря между землями и женщинами и никак не мог остановиться, иногда с грустью полагая, что только смерть сама и остановит его в один прекрасный момент.

Подумав о сильной, властной насмешливой вечной своей сопернице, он толкнул дверь к Марии.

Он и не обратил внимания на то, что словно тень у двери, стояла Любава, заслышав шаги мужа, она никогда и ни с какими другими не перепутала бы их. Так передвигаться мог только он один, никто не осмелился бы даже подражать ему – в том она не сомневалась. Она пыталась только угадать, к кому он направляется. И зная ответ на самый больной вопрос, неслышно побрела в свою постель.

Глава 3 Княгиня

Княгиня сидела в постели, стгорая от пережитого унижения, обиды и стыда. Она понимала, что зарыдать не может — это услышат слуги и явятся сюда, а завтра все остальные тайно или открыто будут смеяться над ее бессилием. А если это дойдет до князя, то даже трудно представить, как он с ней поступит. По праву рождения стала она княгиней, и когда-то гордилась и домом и отцом своим, но все переменялось, когда она узнала о его решении выдать ее замуж за Святослава. Она была любящей дочерью и подчинилась, хотя всегда боялась Ольгу и предпочла бы держаться от нее как можно дальше.

Отец в дочери своей единственной души не чаял: баловал, наряжал, разрешал все, о чем она его просила, оберегал от мира. Она поверила в то, что все мужчины таковы, другого и не представляла себе тогда. Она говорила матушке, что и у нее будет такой же муж, та только с грустью улыбалась, вспоминая сердитого мальчика, который никогда не умел улыбаться.

Она добра душой и никому не делала зла, почему же с ней должны поступить по-другому. Но отец на этот раз думал не только о ее душе и спокойствии, но и хотел быть как можно ближе к столу княжескому. И она была для него тем самым пропуском в княжескую гридню. Он не особенно думал

о ее благополучии и тихом счастье. Характер и склонности Святослава удельному князю были мало интересны. Все решило их общее стремление породниться и шагнуть к вершине, к Киеву, укрепив тем самым и собственные земли.

То, что отец предал и продал ее великому князю, появилось в душе Любавы при первой встрече с женихом. Святослав появился в их дворце в окружении свиты своей, странно тихой, почти безгласной, хотя народу за ним двигалось немало. Сам князь, едва взглянув на невесту свою, пошел к столу. И таким холодом жутким от него в те минуты повело, что странно заволновалась душа княгини, отшатнулась она и не могла больше проронить ни звука. А он ни о чем ее и не спрашивал.

Она метнулась к отцу своему в страхе непреходящем, но тот был странно глух и слеп, словно какая-то служанка, а не любимая дочь к нему с мольбой обращалась.

Тогда она и поняла, что защиты ей ждать неоткуда. Как странно ощутить себя вдруг одинокой и потерянной для всего мира. Мать умоляла ее покориться судьбе, правил которой ни кто иной, как сам Кощей Бессмертный или Змей какой Горыныч, потому что ни один светлый бог никогда не послал бы ей такого жениха.

И взглянув на князя еще раз, она уже твердо знала, что не человек, а бес какой-то перед нею стоит. Но отец погладил ее по голове, думая о чем-то своем. Запоздало прозвучали слова какого-то нелепого утешения о том, что любая деви-

ца в стольном граде желала бы быть на ее месте. В этом ей тоже скоро пришлось убедиться, не только желал, но многие из них именно там и были с самого начала. Хотя это часто ее не огорчало, а даже радовало.

– Ты будешь великой княгиней, разве мало этого? Посмотри на Ольгу. Разве ты хуже этой безродной девки, непонятно откуда взявшейся? Зверя лесного приручить можно, а с князем как-нибудь сладим.

Любава не привыкла перечить отцу, да и не нашлось у нее таких слов, особенно когда он стал по-прежнему ласковым и нежным. Ей хотелось, чтобы он был ею доволен, но она уже точно знала, какая огромная цена будет за это заплачена.

– Ну как же он не понимает, – вырвалось у нее, когда она оставалась наедине с матушкой.

Та молчала. Она знала, что возмечтавший о Киеве, он ничего не понимал и понимать не желал, а к страданиям ее впервые глухим так и оставался.

NoNoNoNo

Самым горьким и отталкивающим событием для нее стала брачная ночь. Правда, Ольга говорила ей что-то ласковое, пыталась как-то предупредить и сгладить то, что ей предстояло пережить. Но когда жених закрыл двери их покоев и остановился посреди комнаты, широко расставив ноги, она понимала, что лишится чувств. И может, в этом и было ее спасение. Невероятных усилий стоило ей удержаться. А когда Святослав, скрывая раздражение, дождался, наконец, по-

ка она разденется и ляжет, он с усмешкой смотрел на ее дрожащие губы и руки, и грубо толкнул ее на ложе. Он буркнул что-то о том, что ее ничему не научили, но в тот момент княгиня потеряла сознание и не могла больше ничего видеть и слышать. В памяти всплывала только дикая боль, грубость и насмешка. Он умел быть несносным, и даже не чувствовал этого, особенно когда получал не то, что ему хотелось. Он был просто животным, ненасытным, грубым и грязным. И отношения с ним она считала низкими и позорными. А потому вспоминала сказки про Кощея Бессмертного, которые рассказывала ей нянька.

Сначала он был прекрасным юношей, но в бессмертии своем стал мерзким стариком, который все еще продолжал таскать в страну льдов прекрасных девиц, чтобы погубить их навсегда.

Каждую ночь, она ощущала как страшное испытание, сначала радовалась, если он проходил мимо, но потом, когда он почти совсем о ней забыл, в душе появилась обида оттого, что она оказалась брошенной. Княгиня и сама не знала, что она хочет.

Он совсем не приходил к ней, и возлюбленные его стали селиться во дворце – негоже было русскому князю куда-то к ним уходить. Он даже не объяснил ей ничего, считая себя полным хозяином положения.

Наложниц со временем становилось все больше, и она заметила, что они вовсе не испытывают к нему отвращения,

и в разговорах между собой даже рассказывают о том, как прекрасно им было ночью.

Тогда она и задумалась о том, что возможно это с нею что-то не так, она просто слишком неразумна и неумела, чтобы понять то, что приводит их в такой восторг. Но как не старалась Любава, переубедить и перебороть себя она все-таки так и не смогла.

— Как он может, — с горечью говорила княгиня своей верной служанке, приехавшей вместе с ней из отцовского двorca.

— Он может все, потому что некого бояться ему. И пусть попробует кто-то и в чем-то попрекнуть.

Когда он не приходил всю долгую зиму, хотя и оставался все время в Киеве, и даже не замечал ее во время трапезы, она отчаялась совсем и никак не могла понять, что же ей делать дальше.

Она ждала его и молила боги ню любви не ради себя самой, а для того только, чтобы они все стали насмехаться над ней. И ради этого она готова была терпеть любую боль и грубость, но ничего этого больше и в помине не было.

Но все они привыкли к происходящему, никто больше не обращал на нее внимания, так она и оказалась похороненной заживо в покоях, которые к тому времени уже не были роскошными, все более менее ценное продал Святослав для того, чтобы увеличить содержание своей дружины, и готовиться к новым походам.

Глава 4 А тем временем

Ольга издалека наблюдала за всем, что между ними происходило. Ей было искреннее жаль девицу. Но она не могла скрыть своей досады, видя, как та тиха и безропотна – так нельзя было с ее сыном. Да и в мире этом суровом такой тихоне не выжить. Может, она и была бы хорошей женой для воина или холопа, но не для того, кто уже стал великим князем.

– Ты никогда не справишься с ним, – как-то сказала она Любаве, – и в этом твоя беда. Но потом, устыдившись своей жестокости, она в первый и последний раз заговорила, когда они остались вдвоем, о своей жизни с Игорем:

– Думаешь, мне легче было, – усмехнулась про себя княгиня Ольга, – я для него и вовсе не существовала, правда и на других девиц он особенного внимания не обращал.

– Но этого не может быть, – вырвалось у Любавы.

– Не может, а было, да и что ты обо мне знаешь. Впрочем, я хотела другого – власти и княжеского стола и добилась своего. А о счастье с мужем, том, о котором богиня Лада глаголет, и не помышляла никогда – пустая эта забава для слабосильных и никчемных баб, которые ничего другого получить не могут. Тебе этого не нужно было, ты все с рождения имела.

Она замолчала, уносясь помыслами своими куда-то вдаль.

Любава все еще смотрела на нее. Пытаясь угадать, о чем в эти минуты она может думать.

– Но зачем ему столько женщин? – удивленно спросила она, боясь, что княгиня оборвет разговор, и она не узнает самого главного.

– Ему всего всегда много хотелось, может и хорошо, что он ни к одной из них не привязан. И все ему позволено, что душе угодно, хотя меня это никогда особенно не волновало.

– Но ведь у них будут дети, как они потом поладят друг с другом.

Она говорила о том, что давно терзало и саму Ольгу. Она знала, как велико в душе упоение властью. И если что-то и погубит этот мир – то сыновья Святослава от разных жен, в том можно не сомневаться, но что же с этим поделать? Она не ведала этого.

Постепенно все сглаживалось. Девицы вели себя довольно скромно, скандалов не возникало. Они понимали, что терпеть этого князь не станет. Но когда умерла Ольга – Любава осталась совсем одна и она стала понимать, как ей не хватает этой суровой женщины.

Она стала совсем бессловесной и безропотной, как тень. И к ней перешла служанка, боготворившая старую княгиню. Она пыталась как-то развлечь ее рассказами о старине. Но она привыкла к сильному характеру Ольги и никак не могла понять, как же, все получив, можно такой оставаться.

Мария поднялась с постели, почуяв приближение князя. С русыми, распушенными по плечам волосами она была похожа на ведьму, и очень симпатичную ведьму. Святослав чувствовал ее насмешку над ним или всем происходящим, но это не смутило его – князь приближался к ней.

– Нынче моя очередь? – с вызовом спросила она.

– А ты этим недовольна? – он не позволял никому шутить и вольничать, но и не был с нею слишком резок, хотя сопротивление злило его. Хитрости были противны всему его сознанию, хотя возможно, для того, чтобы ощутить хоть какое-то сопротивление, он появлялся у нее чаще, чем у иных.

– За честь почту, – ответ держала она, но он не до конца верил всему, что она говорила, хотя страха не было в ее голосе, и вид казался бравым, даже вызывающим.

– Новая княгиня на меня косится, мало ты жене своей уделяешь внимания, княже, говорила она, пылко обнимая и лаская его.

Одним махом сбросил князь на пол сначала ее, а потом и свое собственное одеяние и припал к ней:

– Ты о княгине беспокоишься? – хрипло спросил он, от страсти, наплывавшей волнами, говорить становилось все труднее.

Она ничего не ответила.

– Я князь тут, и мне решать, где и с кем ночь проводить, Не в силах больше сдерживаться, он толкнул ее на подушки,

разбросанные по широкой кровати. И они замолчали на какой-то срок, забыв не только о княгине, но и обо всем мире, притаившемся за стенами комнаты наложницы.

– Не думай, что власть твоя безгранична, – усмехнулась она, когда он отстранился от нее и прикрыл глаза от радости и усталости, казавшееся невероятно приятной.

Он резко открыл глаза и поразился ее дерзости, хотя редко что могло в этом мире удивить великого князя Святослава.

– А ты что, бунтовать собралась? – поинтересовался обнаженный, и оттого невероятно красивый князь, вздрагивал он то ли от утихавшей страсти, то ли от нахлынувшей ярости. В голосе его звучало неподдельное любопытство.

– В порошок сотрешь, – все еще смеялась она, понимая, что с огнем играет, но никак не могла остановиться, – говорят, что бунтовать по-разному можно. Возлюбленная Олега вроде утопилась, а он потом всю жизнь к тому озеру ходил и на других смотреть перестал. Но это был Олег, он умел любить по-настоящему, а для тебя мы только наложницы, ты и лиц и имена наших не помнишь.

В голосе Марии вспыхнула обида, и послышался страшный упрек. Она была немного пьяна и болтала больше обычного. Тяжело на нее навалилась снова, Святослав хрипел от страсти и улыбался каким-то своим мыслям. Но слова ее показались странно обидными. Сколько они могут его попрекать этим бесценным Олегом. Как может та, которая

спит с ним и получает от этого удовольствие, (великий князь не сомневался в этом) думать о предке его, от которого праха дано и в помине не осталось. Она говорила это не в первый раз, но нынче, когда он всей душой стремился к ней, не думая ни о какой другой, – слова показались особенно обидными. Он знал, какая опасная зараза – зависть, как она исковеркала всю жизнь его отцу. Тому вообще рядом с этим их ненаглядным Олегом добрую половину жизни прожить пришлось, а потом тень его, как грозовая черная туча все время нависала над его головой. И мать до сих пор любит его, зовет его. Она уверена, что пока он хранит их, с миром ничего не случится. Но если Олег отвернется, они погибнут вместе с Киевом, градом, который он для них завоевал, и в котором души не чаял. Может, потому она так любила и лелеяла город этот, а он все время старался держаться от него как можно дальше, боясь, что Олег будет им недоволен.

Он когда-то дал слова, что тень Олега не коснется его своим черным крылом, и пока он жив, легендарный князь не посмеет к нему приблизиться.

И уже удовлетворив свою похоть, лежа рядом с нею, он вдруг спросил:

– Бунтовать будешь, (о чем-то подобном князь догадывался и прежде), славы темной захотелось, только Олег не придет к тебе ночью, а если тень его и появится, то проку от этого немного будет. А я тебя с любого дна достану.

В ярости он очень сильно сжал ее плечи.

– А потом я тебе такой бунт устрою, что ты и сама к Чернобогу сбежишь, и там свой рай найдешь на веки вечные, если здесь для тебя все недостаточно хорошо устроено. В одном ты права, – Святослав с трудом перевел дыхание, – я не Олег, никогда им становиться ни в чем не собирался. Ни Бог, ни Дьявол, ни Олег твой ненаглядный мне не страшны. Я долго ждал своего часа, но он наступил. Моим именем детей пугать будут, так когда-то в детстве волхв сказал мне и это правда. И не нужны мне ваши сказки про любовь великую.

Но было видно, что юноша просто старается отстраниться от тени предшественника самого, которая по-прежнему ему страшно мешала.

Он поднялся с постели и стремительно направился к двери, не глядя больше на Марию и не прощаясь с ней. Она видела, как глубоко ее упрек застрял в его душе. От него не избавиться так просто.

По дороге он дал себе слово больше у нее не появляться, но знал, что, возможно, это единственное обещание, которое он вряд ли сможет сдержать.

Глава 5 Миф о блудном сыне

узнав, что монах прибыл в город его из русских земель, сам велел разыскать его и назначил встречу, и не только из государственных интересов, хотелось поскорее узнать ему о том, что там творится, но и личное было в душе его. Монах, расставшись с Константином десятилетие назад, с удивлением и грустью заметил, как тот постарел, как он сдал. Но и сам император за это время не стал выглядеть моложе. И видно было, что обоим им недолго оставалось радоваться свету и ходить по священной этой земле. Но в глазах его блеснул огонек живого интереса ко всему происходящему, это и подкупило Боговеда. Так много было отдано той земле, и он уже тосковал о ней, хотя едва покинул ее пределы. Он и не думал, что будет так тосковать без нее. **Император,**

Император слушал молча. Изредка возвращаясь к реальности, особенно когда речь заходила об Ольге, ее воспоминаниях и лестных словах о путешествии. Когда же в рассказе своем монах дошел до смерти ее, император, уже утомленный услышанным, восторженно и не на шутку разволновался. Потом он прикрыл лицо руками. Монах невольно замолчал, не зная, нужно ли завершать повествования или незаметно уйти. Лишь по движению руки императора он понял, что должен продолжить и рассказать про все, что ему стало известно в последнее время.

Император неожиданно спросил о Святославе. Монах, говоря о чем угодно, осторожно обходил тему о новом князе. Но на этот раз он не сдержался, высказал все тревоги и боли, и стало ясно, почему была так печальна в последнее время Ольга.

– Ты уверен, что тьма надолго пала на их земли, – спросил император, привыкший к мысли о том, что это уже христианская земля и мрак язычества отступил навсегда.

– Думаю надолго, – вздохнул обреченно монах, пока жив будет Святослав, а он молод и силен, так у них будет все время. И, словно бы оправдываясь, прибавил:

– Если бы я не уверился в этом, я бы не покинул эти земли. Он настоящий варвар, никак поверить нельзя тому, что он Ольгин сын.

– Много неожиданностей дарит нам жизнь, – глубокомысленно изрек властелин. Помнишь священное писание и легенду о блудном сыне. Она повторяется снова, вот и все. Размотано богатство родительское, и он в пещере, яки зверь лютый остается, да со свиньями нехристями есть будет. Только финал у старой легенды иным будет. Блудный сын на этот раз не вернется в родительский дом. Слишком горд и строптив он оказался. Не найдет дороге к свету, так и сгинет во тьме. Напрасны были все труды и стремления Ольгины, ничего с этим сделать нельзя.

Он помолчал немного. Словно сожалея о происходившем, о том, что пришлось ему пережить такое, прибавил:

– Но ты правильно сделал, что уехал оттуда, старик, пусть они пока остаются во тьме, а там видно будет. Можешь не казнить себя, ты сделал то, что мог. Рано или поздно все изменится, жаль, если мы этого уже не застанем с тобой

NoNoNoNoNoNo

От императора старик уходил вдохновенным, кажется, что ему были отпущены все его грехи. Сам владыка подтвердил, что он был прав и поступил верно. Император еще долго размышлял о вечной борьбе добра со злом, и вынужден был отметить, что в жестокой этой схватке зло, отступившее ненадолго, одержало новую победу, а добро и на этот раз оказалось бессильным.

– Добро всегда будет бессильным – такова его участь, – усмехнулся Мефи.

Как всегда подслушивавший и подглядывавший, бес знал обо всем, что происходило вокруг. Он хотел узнать, как оправдается, как объяснит все сбежавший монах. И должен он был убедиться в том, что руками Святослава одержал новую победу. За свое предательство Ольга заплатила сполна. Он знал, что действовать станет через сына Ольгина, кого же еще нужно было брать ему в помощники, хотя он к нему не приглядывался и не знал его, но лучшего помощника не найти.

Но со временем Святослав бесу понравился, в нем почти не было качеств, презираемых бесом в его отце – князе Игоре: мелкоты души, яростной зависти, жадности, физической

и духовной слабости и вечного недовольства жизнью. Зато сразу же, как только Мефи взглянул на него пристальнее, он заметил смелость необузданную, безрассудство, крутой нрав и дикое честолюбие, упрямство, толкавшее его к пропасти, но с его стороны похвальное вполне. Без всех этих черт любая победа была бы невозможна.

Хитрость без Ольгиного гибкого ума становилась скорее бедствие для властелина. Даже Ольгу она привела к катастрофе предательства великого — к перемене веры своей древней и истинной на черт знает что. Он надеялся на то, что со Святославом такого не произойдет. Он никогда не приблизится к этому немощному богу. Вся его жизнь в бунтарстве пройдет и это замечательно, а главное весело, — размышлял бес. Он поставил на Святослава и был почти уверен в том, что не потерпит фиаско, как в прошлый раз с княгиней Ольгой, которая хоть и любила Олега, но довела все его завоевания до позорнейшего поражения. Не из праздного любопытства подслушивал он разговор императора и монаха. Во многом они подтвердили его догадки, и настроение у него было приподнятое. Вместе со Святославом бес готовился взлететь как можно выше, как обычно был весел, уверен в себе и по- деловому зол.

Глава 6 Будущее в прошедшем

встретился с Гориславом. После похорон Ольгиных прошло несколько месяцев. Казалось, что все закончилось – главный враг этого юноши навсегда покинул землю. Было выполнено, плохо или хорошо, все, о чем мечтал когда-то змей. Княгиня в дни победы, торжества, успокоения и отпущения грехов получила живое напоминание о прошлом – страшное напоминание – она не может успокоиться и оставаться беззаботной, за все свои ошибки каждому придется расплачиваться. **Змей снова**

Кажется, он все для этого сделал. Он растил парня, заболел о нем, он рассказывал ему о делах давно минувших дней, все, что помнил и знал сам. Он послал Святослава к княгине, она с яростью небывалой выслушала его. И не только покой, но и совесть ее в тот миг были потревожены. Останься Ольга здравствовать, он бы еще что-то такое придумал, в покое бы ее не оставил, но этого не произошло. Когда появилась старуха с косой – такой в ту пору стала Марена в их представлении – он отступил, хотя это, как понял Змей, было не так просто сделать. Но он за тот срок привык и привязался к мальчишке, и не мог представить себе, что с ним придется проститься, оставить его, кинув на произвол судьбы. Да и сам он чувствовал, что с парнем у них есть какая-то странная связь, так просто не разлучит их даже смерть

Ольгина. Это была не просто мелкая жажда мести, а почти родственные отношения. И он отечески интересовался у Горислава, что тот намеревается делать и чем заняться. Юноша уже и до него думал обо всем этом.

– Я пойду в дружину Святослава, – говорил он, – не хочу землю пахать да за скотом убирать. Я пойду к нему и стану служить ему, может для доброго, а может, и для лихого дела сгожусь ему, там видно будет. И было ясно и понятно Змею, что он принял свое решение

– Так тому и быть, – подвел итог Шестиглавый, определяя питомца своего в княжеское воинство. Каких только казусов в жизни не случается, Горислав будет рядом с сыном главной врагини его. Невозможно угадать, что он затеет и во что это выльется, но он во все глаза следить за ним станет, во все уши слушать, что с ним такое происходит. И придет к нему на помощь, если сможет что-то для него сделать. Змей никогда не переоценивал своих сил.

NoNoNoNoNo

А Святослав тем временем проснулся в своей комнате и никак не мог припомнить, что с ним такое случилось накануне. Он силился вспомнить сон свой, заставивший окунуться в прошлое. Огонь. Всю ночь снилось ему зарево страшное, горящий город. Это было в то давнее время, когда он был совсем мальцом, боготворил свою мать, и плакал от счастья, что она у него есть. Хорошо, что сейчас он был не в спальне жены или наложницы. Следовало скрывать свои мысли

и чувства от других, а особенно слабости – в этом он успел убедиться.

И посчитал он, что мир устал от перемирий, которые в последнее время боготворила его мать. Уже совсем другая, слабая и чужая женщина, в которой ничего не осталась от той, которую он так любил, была в последние дни княгиня Ольга. Дружинники разленились без битв, и превратятся в ничто, если продолжат в том же духе. Они должны закаляться в боях, а не на пирах удадь свою показывать. Он отменил все эти развеселые компании, считая это делом праздным и никому не нужным. Он сознавал, что его время настало.

Все эти речи о мире и войне, о жизни и смерти, о борьбе добра со злом – они для слабаков, не способных оружие в руках держать, а он мужчина и воин, и только воин, воин, прежде всего, потому он отвергла их, не глядя.

Уж если даже его мать могла такие победы одерживать и в седле качаться, то ему сам бог велел. Возможно, он не совершить чего-то огромного, но и прозябать на княжеском троне в Киеве Святослав отказывался.

Пожар. Не случайно в эту ночь он ему грезился. Он ощущал, что нечто должно произойти, в него должны вселиться какие-то силы. И если это случится, то он сможет многое, возможно и Ольгу во всем превзойдет.

И она поможет ему справиться со всем скверным, что ему может угрожать. Предки – это та грозная сила, которая помогала стать живым во много раз сильнее. И только одно оста-

лось ему решить для себя, принять или не принять эту грозную силу. Он понимал, что это жестокость и безрассудство, но ничего не мог поделать с собой. Он понимал, что такая мощь может разрушить и его самого. Он все время думал об этом, не мог не думать. И это его останавливало. Готов ли он к худшему, может быть погибнуть, если кто-то и что-то окажется не за него, если эта сила его раздавит.

В последнее время он часто вспоминал о молодой своей матери, такой она была когда-то в самом начале, о страшных делах ее, которыми он привык восхищаться. Он понимал, что без вмешательства тех самых сил она ничего не смогла бы. Значит, она решилась на эту сделку и сумела выстоять. Но что произошло потом? Почему она от всего этого отказалась? Что могло испугать ее? Об этом она пока не хотела думать. Его волновало начало, а завершит он все по-иному. Такого перевоплощения с ним не случится. У него свой путь и иная судьба. И принимал он ее на этот раз с восторгом.

Глава 7 Они сошлись

Мефи не замедлил появиться. Это он разбудил князя четверть часа назад, возвещая о своем появлении, и пристально всматривался в Святослава. Он сознавал, что тот нравится ему все больше и больше. Хотя он тут же охладил свои порывы, помня, как в самом начале ему нравилась Ольга, и что из всего этого вышло – лучше совсем не вспоминать.

Чувства – это не его стихия, а разум его охладил любые порывы.

– Ты знал о пожаре, о большом пожаре, – подал голос и пошел в атаку Мефи, желая заявить о своем присутствии, подчеркивая, что он не заурядный гость, пробравшийся в княжеские покои странным путем.

– Я спрашиваю тебя об этом, потому что тогда ты совсем маленьким был и мог обо всем позабыть, – продолжал бес свою атаку, не давая князю опомниться. – Ты знаешь, что все идет по кругу и все повторяется в этом мире, уж поверь мне, я долго прожил на этом свете, и знаю, что прошлое может стать грядущим.

Святослав молчал. Мефи не очень понимал, туго ли тот соображает или просто невнимателен и рассеян. Если первое, то это большой недостаток. Но его мать наоборот слишком быстро соображала, – возразил он сам себе, – так быстро, что даже ему было за ней не угнаться. Нет, уж пусть луч-

ше все будет так, как есть. Самое главное, что сын вовсе не похож на презренного отца своего – и то ладно.

– Ты нравишься мне, – решительно произнес он, – думаю, мы поладим.

Бес, судя по всему, вынес свой окончательный приговор. Святослав не понимал многого, а потому не проявлял ни радости, ни разочарования. Он принимал происходящее, как должное, и Мефи усмехнулся такому повороту дела.

– Ну что же, начало положено, – подвел он итог и в тот же миг бесследно растаял.

NoNoNoNoNoNo

Святослав размышлял над только что произошедшем. В его душе не оставалось никаких чувств: ни любви, ни ненависти, ни зависти – это должно было помочь ему действовать быстро и точно. Холодная голоса и бесстрастное сердце – это самый лучший подарок для великого князя. Прошное должно соединиться с настоящим и стать его продолжением. Он должен достичь того, что не смогла его мать. Она не смогла из-за того, что много чувствовала и переживала, а бесстрастие было только маской, которую приходилось снимать иногда. Однажды она сняла ее окончательно, и тогда все и кончилось. Она ощутила себя одинокой и несчастной. С ним такого не случится. Бес почувствовал это сразу. Даже великому Олегу этого явно не хватало. Но слова Марии о его бесчувствии он воспринимал теперь не как горький упрек, а как высшую похвалу.

– Она права и именно бесчувствие поможет совершить мне великие дела, – говорил Святослав, он навсегда останется в памяти их и в истории – это самое главное. И то, что именем его будут пугать детей, он воспринимал, как высшую похвалу.

Он решил соединиться с могучей и разрушительной силой, тогда все у него получится. Князь знал, что нынче особенный день, он бросил вызов судьбе и року, богам, о которых твердил ему презренный монах, и тем, о которых с таким восторгом говорил старый жрец. Никогда не откликнется он на зов к смирению и добру, чтобы не случилось в его жизни, не бывать этому. Он готов был расправиться с этим богом сурово и немилосердно.

№№№№№

Святослав услышал слабый стук в дверь. На пороге вся в белом стояла жена его. Ее лицо было искажено от страха. Взглянув на мужа, и что-то почувствовав, она отпрянула от него, ударившись спиной о стену.

– Что такое? Неужели он так страшен сейчас?

– Мне плохо, – прошептала она, здесь кто-то ходит и кто-то говорит, мне страшно в этом пустом и темном склепе. Впервые он почувствовал какое-то слабое сопротивление в душе ее. Она и сама понимала, что почти лишилась чувств. Святослав не желал с нею возиться. Он шагнул к двери и крикнул Анну. Ее дверь была ближе других. В трудную минуту он призвал именно ее. Он почти втолкнул наложницу

в свою комнату. Она почти ничего не могла понять и озиравлась по сторонам.

– Успокой ее, не пойму, что с нею произошло.

Сам он отвернулся к окну, не глядя, как Анна и еще какие-то женщины испуганно возятся около жены его. Они перенесли ее в спальню. Когда дверь за ними наконец закрылась, он перевел дыхание. Этот приступ вывел его из равновесия, и радостного ощущения грядущих перемен больше не было в душе.

– Вот какие бывают жены. Да как она смеет рядом с ним так себя вести.

Но с обрывков мыслей о бедной и несчастной женщине он быстро переключился на размышления о грядущем. Он думал о победах и сражениях

Глава 8 Возвращение к Былине

Теперь, когда почти безжизненное тело жены его возвратилось на ложе, Святослав повалился в свою постель, если постелью можно было назвать то жесткое ложе. Но ненавидел мягких подстилок и прочих излишеств, и всегда приказывал унести их прочь.

Может быть, в противовес Олегу, он не признавал никакой роскоши и удобства презирал и отвергал нещадно.

Он избавился от суеты и слуг, и мог спокойно поразмышлять. Что это был за тип? Спокойный, юркий и ему необходимый.

В детстве он много времени и внимания уделял вере своих предков, но понимал, что этот тип с его верой вряд ли был связан. Судя по всему, он из совсем иного мира. Но он не слышал, чтобы кому-то из князей пришлось вот так прямо столкнуться со своими богами. Хотя, они могли просто ничего не говорить об этом, и потом все заслуги приписывать себе.

Они всегда знали, что в мире существует сила, которая его и творит, хотя она может при желании и разрушать его.

Она могущественна, потому и управляет этим миром.

Еще в детстве, глядя на матушку свою, княгиню Ольгу, он знал, что ее она приняла и помогала ей, а вот отца нет, потому вся его жизнь была сплошными страданиями и муками,

от которых его, вероятно, не избавила даже жуткая гибель.

Но он и не думал, что столкнется с ней и заключит соглашение. НО это был не Перун, в изображение которого он вглядывался с детства самого.

Это был тот, кто яростно противодействовал всем богам, и был ближе к людям. Князь Тьмы, сын Чернобога Ний, или один из его приближенных.

Он много слышал от матери и о распятом боге, но поверить в него никак не мог, и был уверен, что к концу дней своих ее просто замучили тени казненных ею людей, и она решила обмануться, и спрятаться за чужого и несчастного бога.

Но он был только воином и точно знал, что бояться ему особенно нечего.

Но жрецы ничего не рассказывали ему о богах подземного мира, потому он и растерялся, когда столкнулся с одним из них.

В первый раз он пожалел о том, что монах исчез бесследно, прежде, чем казнить его, нужно было заставить рассказать все, что связано с богами тьмы. Все это он рассказывал когда-то матери. Но он почти ничего не мог припомнить.

Все иконы и книги исчезли бесследно, словно сквозь землю провалились, но он и не стал бы их читать – книги были слишком толсты.

Но должны были оставаться люди, которым он рассказывал свои легенды. И он мог рассказать им не только о боге,

но и о Дьяволе, нужно же было их чем-то пугать.

Немного людей в городе должно было оставаться. Но зная про то, что за это можно жизнью поплатиться, вряд ли они просто так к нему придут. И все-таки завтра он прикажет их разыскать и обо всем расспросить.

Никаких других монахов он приглашать сюда не собирался. И слуги его верные стали разыскивать людей, знавших легенды о Христе. Но все было напрасно – найти их не удалось. На княжеских посланников лишь таращили глаза, переполненные ужасом. И шарахались от них, словно от Ния, за их душами пожаловавшего. Говорили только, что ничего им не ведомо, ничего они не знают.

Святослав и не подозревал о том, какой дикий страх он успел им внушить. А между тем, многие шепотом спрашивали о монахе, уверяли других, что убит он был по княжескому указу, потому и пропал бесследно. Но этого князю мало показалось, и он желает уничтожить всех, кто хоть что-то помнил из рассказов его и был с ним дружен. Опасность нависла над головами многих в те тревожные дни.

Не хотел властелин, чтобы хоть что-то напоминало о крамольных речах, потому и под пытками ни в чем не хотели они признаваться. Атмосфера в граде странно накалилась.

Горестная усмешка – вот все, что ему еще оставалось. И подумал он, что неистребимо то зло новой веры, которое посеяно было. Но выход нашелся неожиданно.

NoNoNoNoNo

Князь после пира отправился к Марии. Она была весела и забавна, и кажется, что испытывала свою судьбу. Она не боялась его, и вообще ничего не боялась, потому что ей нечего было терять. За все время она не многого добилась от князя, так пусть летят они вместе со Святославом ко всем чертям, если их что-то не устраивает, а она может покуражиться немного, пока он помнит о ней. Она часто думала о том, что лучше смерть от его руки, чем жизнь такая, какая была у нее в последнее время. Но внутреннее чутье подсказывало ей, когда можно поиздеваться над ним, а когда делать этого не стоило, ради собственной безопасности.

Она знала, что нужна, в отличие от Анны, князю не только для постели, но и что-то большее порой влечет его к ней, потому даже в бессилии и гневе, а такое случалось, она знала о том, он не хочет уходить от нее и остается с нею дальше. Быстро потом все налаживалось, и он менял гнев на милость. А если этого не случится, то старики говорили всегда, что на миру и смерть красна. Печалиться о странной своей участи она не собиралась.

Вот и в тот день она была спокойна и насмешлива:

— Что, княже, ищешь тех, кто с твоим ненавистным монахом знался? Так они тебе в том и признались, окаянные, зная про нрав твой. Перепугал ты их до смерти, рта они не раскроют, хоть убей ты их на месте.

Святослав взглянул на нее пристально, стараясь угадать, чем она клонит, но спросил уже мягко и с любопытством,

стараясь сдерживаться:

– А ты мне искать поможешь?

– Смотря на что это тебе нужно, если позабавиться решил да злодейство какой над несчастными совершить, то ничего я делать не стану, не дождешься от меня помощи такой.

– Не собирался я с ними расправляться и руки свои мारать, я воин, а не палач, – буркнул он, удивленный ее дерзостью, – да и что мне их убивать, мертвые они мне бесполезны вовсе будут, а когда монах исчез и они безвредны, что с ним взять можно?

– Не верю я словам твоим, – возражала ему Мария, – хотя и сплю с тобой, и ближе для тебя никого нет, но не верю, и не стану несчастных на смерть лютую толкать.

Как же она была упряма и несносна. Словно все время насмеялась над ним и дразнила его. Но в один миг переменила тон разговора девица.

– Хотя жизнью одного человека я, пожалуй, смогу распорядиться.

Она оттолкнула его в тот момент, когда князь яростно к ней приближался.

– Не боюсь я тебя, и смерти от руки твоей не боюсь, и гнаться пред тобой, как остальные твои девицы не стану, не боюсь, потому что давно уже не живу, не собираюсь от страха дрожать и об участи своей гадать напрасно. Знала я монаха, и все его рассказы до единого помню.

Это признание так поразило Святослава, как и речь ее

дерзкая, что еще долго ни одного слова не мог он произнести, как не старался.

Наверное, в тот момент он задушил бы любую другую девицу, но в глазах этой заметил такое презрение, что не поднялась его рук.

Злость, сила, власть. Она готова была мучить его. Но от расправы его остановила догадка о том, что Мария – тот человек, которого он так долго и упорно искал. Ему даже нравилось то, что она не была покорной, давала ему отпор во всем. Теперь, когда больше не было с ним рядом грозной и своевластной матери, она оставалась единственным человеком, готовым ему противиться и стоять на своем. И он хорошо понимал в глубине души, что хотя она и бьет его больно, но нужна ему живая, а не мертвая.

После приступа ярости, рассудок быстро вернулся к князю, и он понял, что ее послала ему судьба. Потому и спрашивал он уже о другом.

– Откуда тебе известно о поручении?

Она молчала, обдумывая, как стоит вести себя дальше. Задумал ли он что-то горькое и страшное или одумался. Что князю от нее и монаха нужно на самом деле. Этого в тот момент не могла знать даже она сама.

– Твои же слуги верные меня обо всем и пытали, – наконец как-то бесцветно произнесла она.

– Но почему они к тебе обратились, – понимая, что и он ничего о ней не знает, даже из того, что известно его слугам

верным.

В этот миг Мария больше не чувствовала себя такой уверенной и спокойной, но поняла, что надо говорить до конца, раз уж открыла рот. Она знала точно, что не стоит заигрывать с ним и морочить голову.

– Я помню все, что он говорил, и не отрекаюсь оттого, что знала его.

Но на этот раз князь уже успел успокоиться. Он понимал к чему ведет этот долгий разговор, он найдет то, что ему было нужно рядом, у себя во дворце. Но он самым последним узнал о том, что его возлюбленная была дружна с монахом.

И вдруг он рассмеялся.

– И что тебя так смешит? – спросила Мария.

– Я так долго тебя искал.

Она не поняла этих его слов. И от недоговоренности и тревожно и радостно было в душе ее. Тайна и смятение, вот что странно вывело ее из себя. Он ушел, оставив ее в полном недоумении. Она пыталась понять, что же последует после этого разговора, но ничего путного не приходило ей на ум.

Разговор незаметно и быстро погас. И она вернулась в памяти своей в прошлое, тоже не особенно радостное. И вдруг подкатило чувство страха, и она из последних сил старалась погасить его в себе.

Глава 9 Добро и зло

Мария вспоминала о прошлом. Князь, вчера ввалившийся в покои ее со своими не слишком понятными расспросами, заставил ее встряхнуться и повернуть свой взор прямо в душу. Она любила монаха. Он невольно заставил ее вспомнить о самом сокровенном, о том, чего до сих пор она вспоминать вовсе не хотела.

При Ольге он бывал частым гостем во дворце, а иногда казалось, что и все время обитал там, и невольно душа ее тянулась к необычному и таинственному человеку. Иногда она, затаившись поблизости, прислушивалась к его рассказам, они западали ей в душу. Но очень быстро все уходило и забывалось. И однажды, когда Ольга послала ее с каким-то поручением в домик монаха, она передала все, что было велено, и не уходила, а все стояла около входа. Он сидел перед огнем, полагая, что она уже ушла к себе, но повернувшись, и снова увидев ее, удивился. Словно замороженная, она стояла на том самом месте. И глаза все сказали за нее. Он немного смутился. Милая и умная девушка нравилась ему и прежде, он ее давно для себя выделил, но не думал о том, что она так просто придет к нему сама.

— Я хочу узнать все, что ты рассказывал нашей княгине, — пролепетала она едва слышно, Расскажи о боге своем, и о том, другом.

Она хитрила, и они оба это понимали. Ей хотелось просто подольше побыть с ним рядом, слышать и видеть его. Но он принял ее правила игры. Он давно страдал от одиночества и непонимания, и ему необходима была близкая душа. Мысль о том, что с ним рядом будет молодая, нежная девушка так согревала его холодную душу. А может быть, она послана ему, чтобы не было так одиноко и пусто в чужом мире? Он старался не думать о том, что женщина – посланник Сатаны и помощник его верный, и это искушение одолеть сложнее, чем все другие. Но сейчас о том думать он не хотел и не мог.

Он думал о благе и заботе о нем своего бога.

Так и встретились тогда два одиночества ни с кем и ни с чем в этом мире не связанные, умирающие от тоски бесконечными вечерами.

Он увлеченно рассказывал ей обо всем, что знал сам. Эти рассказы покоряли ее душу. Но если бы на его месте был другой человек, все было бы по-другому. Но он больше не мог и не хотел чего-то менять.

Мария понимала, что это было самое замечательное время в ее жизни. Она и не думала о постели рядом с ним. И он, вероятно, был не от мира сего, и мысли их витали в те дни где-то очень высоко и далеко от плотской жизни. Ей было уютно и тепло в этом доме.

Ей было уютно и тепло в этом доме. Мария с нетерпением ждала вечера и встречи с ним. Это заметили многие.

Кто-то укорял ее за такое нетерпение и проявление чувств. Но она не замечала ничего, кроме князя никто не мог ее волновать. Она узнала об исчезновении монаха и самоуправстве Святослава. Он сделал ее не только наложницей, но и рабыней своей. Она вдруг бросилась в покои княгини, разыскивать монаха. Она понимала, какой опасности себя подвергает, но не думала о том. Но Ольга ни о чем не догадывалась, и не выдала ее тогда Святославу. Она не хотела огорчать и монаха, убеждая себя в том, что ничего страшного с ними не происходит.

NoNoNoNoNoNo

Смерть княгини Ольги Мария приняла, как свою личную беду, и не только потому, что на Святослава больше не было никакой управы, но она понимала, что в лучшем случае монах навсегда уедет из них мира, а в худшем – погибнет. И тогда она решилась на отчаянный шаг. Последняя их встреча в день смерти княгини была очень грустной. Мария рыдала, монах обреченно молчал, понимая, что это конец. Отчаянье девушки и подтолкнуло его к поспешному отъезду. И он решил, что если Святослав захочет с ним что-то сделать, она выдаст себя с головой и обречет на изгнание, а то и гибель вечную. Святослав был неутомим в свой ненависти и жестокости. Этого он допустить не мог. Мария была уверена в том, что тайна ее навсегда уйдет с ней в могилу. Но чувство сопротивления росло.

Когда князь спросил о монахе, она не выдержала и выжала

себя, и свела на нет все усилия монаха, желавшего защитить, спасти ее от гибели. Но покой и молчание показалось ей нелепым и смешным. Но к своему полному разочарованию Мария поняла, что он не заметил ее признания – ему не было до нее никакого дела. Она понимала, что для каких-то своих целей князю нужны сказания о добре и зле, которые она знала наизусть.

И несколько вечеров рассказывала она ему все, что ведала, а он, что самое удивительное, слушал ее очень внимательно. Только потом толковал он их на свой лад, он делал из нее свое собственное толкование и писание, и был уверен в том, что может себе это позволить. Во главу угла он ставил зло, и радовался тому, что все так можно показать. И если бы мог знать монах, как все извратит князь. И его возлюбленная, когда уходил от нее князь, погружалась в собственные горестные воспоминания.

Глава 10 Противостояние

Благодаря своей наложнице, Святослав знал то, что изведать ему так до сих пор хотелось. В мире существует сила зла, страшная, сокрушительная сила им правящая. Только она одна и стоит чего-то в том мире. Связавшись с ней однажды, не нужно ей изменять, тогда достигнешь невероятных высот. А если она отвернется от тебя, ты останешься мелок и ничтожен как его отец Игорь, а жизнь и смерть твоя останется только насмешкой, пустым звуком.

Наверное, перед ним появился дух той силы, ему был подан знак, оставалось лишь воспользоваться им.

Сегодня Мария рассказала о последних днях жизни Христа и о Понтии Пилате. И вдруг показалось Святославу, что он видел и знал все это. И не просто знал, но сам в том участвовал.

Но откуда? Ведь не мог он тогда жить. Никогда прежде он легенды той не слышал, откуда же такое странное чувство. Оно возникло, и когда он решил распять монаха, словно происходило это не в первый раз.

Но римский прокуратор уже вышел на балкон. И народ, его верный народ, глядя на повелителя, требовал казни, а он победно усмехнулся. Но не знал, что победа для него обернется страшной бедой.

Впрочем, об этом никто не знает с самого начала. Для кня-

зя Святослава тогда было важно ощутить миг триумфа, который пока переживал прокуратор.

Зло. Тогда победило зло, оно всегда побеждало и будет побеждать.

Святослав остановил Марию – о муках и распятии слушать он ничего не хотел. Добренькая сказка о боге мученике его раздражала, у него не осталось времени и душевных сил на такую ерунду.

Он спросил Марию, резко ее перебивая:

=Скажи, а с ним что стало потом?

– О ком ты, княже? – не поняла она

– О Пилате, о ком же еще, – возражал Святослав

– он совершил много казней и подлостей, не угодил своему императору, и когда его позвали в Рим, он где-то по дороге упал с обрыва и утонул. Но ему и прежде мерещилась вода. Она и стала могилой. Но я о другом говорила, -пробовала его остановить Мария.

Но князь резко рванулся к выходу и исчез где-то в грядне. Ему не понравилось то, как все закончилось с Пилатом. Было что-то печальное в таком исходе, словно жизнь извела героя, а потом посмеялась над ним. Это напоминало судьбу его матери. И Святослав разозлился на своего кумира, решил, что он будет таким же, только не допустит подобного конца, о нем останется красивое и вдохновенное повествование. Вода – вот проклятие для героя. Княгиня Ольга считала, что для нее вода спасение, но и в ее судьбе она сыграла такую же

печальную роль, нет, он поклялся никогда не доверять воде свою судьбу.

Уж если положение окажется безвыходным, тогда и умрет он ярко и красиво на земле

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Мари рыдала всю ночь. Она поняла, наконец, что напрасно тешила себя надеждами. Ей ведь казалось, что произошло чудо, свет, сошедший на князя, рассеял тьму, его окружавшую, молитвы дошли до Всевышнего и он понял, что делать и куда идти.

Она верила, что он станет другим, ведь стало же другой княгиня Ольга, а разве он не ее сын?

Но надежды умерли последними, больше ничего не оставалось у нее за душой.

Он не думал о расправе над христианами, но они понадобились ему для того чтобы убедиться в победной силе зла над добром, как такое можно было понять и пережить?

Нет, его ведет по жизни Дьявол (при упоминании имени она перекрестилась), а не бог. Она чувствовала и свою вину в том, что происходило тут с ним. Не она ли помогла князю все перевернуть, извратить, взглянуть на милый ей миф по-другому?

– Господи, – думала Мария, – если бы он знал, что я наделала, неразумная, если бы он догадался, что может сотворить наш князь со священным писанием.

Но дело было сделано, она стала оружием в руках молодого

го князя, а он пользовался этим оружием так, как хотел. Наверное, он просто оказался умнее или хитрее, чем ей о том мечталось.

Поглощённая раздумьями, Мария не сразу заметила, как тихо приоткрылась дверь и почти бесплотная фигура возникла на пороге.

Глава 11 Соперницы- врагини

Любава с удивлением смотрела на соперницу, залитое слезами лицо казалось безобразным.

Она шла сюда за другим, ей хотелось узнать, как наложница несколько вечеров удерживает князя, что она творит такого. Святослав обычно никого из них не выделял, со всеми был одинаков, что же тут произошло? Почему теперь он пропадает у Марии и забыл остальных.

И вот забыв о своей гордыне, она направилась сюда, дождалась, когда князь стремительно ушел из ее покоев, Любава рванулась к ней, пока никто ее не опередил.

Зачем ей быть там, где он изменял ей с наложницей, чего хочет она добиться? В отчаянье она совершала один безрассудный поступок за другим и не могла остановиться.

Вот и теперь она узрела Марию, чтобы напомнить, что она существует, она первая, хотя и не единственная. Она надеялась, что та, увидев ее опомнится, словно у нее была над князем какая-то колдовская власть.

Нет, это не бунт, а жалкий протест истерзанной души, готовой бороться за князя до конца.

Любава застала картину ей непонятную, и теперь не знала, что говорить, что делать, уйти ли незаметно или попытаться выяснить, что произошло, зачем приходил к этой деве ее муж, почему она теперь так рыдает.

Уходить было поздно – Мария заметила ее и поспешно вытерла слезы.

– Княгиня? – удивленно спросила она, – что ты хочешь от меня?

– Я проходила мимо, услышала, что ты рыдаешь, и не могла пройти мимо, – солгала она, и сама поверила, что так все и было.

Мария молчала.

– Тебя обидел мой муж? Но мне казалось, что к тебе он относится иначе, чем к другим

– Да нет, – рассеянно произнесла Мария, предлагая княгине сесть, ведь она все еще стояла, оглядываясь по сторонам.

– он не обидел меня, он растоптал моего бога.

Княгиня подняла на нее глаза, дивясь силе и самообладанию наложницы, но не понимая, о чем она говорит.

Но я сама во всем виновата, возмечтала о несбыточном, мне чудилось, что он переменится, что он взор к богу направил, что из дикого зверя он человеком станет. А нынче узнала я, что не к богу, а к Дьяволу он направил свой взор, ему служить собрался,

Она ярилась и никак не могла сдержаться.

Княгиня как-то сжималась, становилась еще меньше и незаметнее.

– Господи, – подумала Мария, на нее глядя, – почему ты дал в жены этому зверю это бедное создание?

Разве должна она такой ад на земле пережить? В чем она так провинилась перед миром? Он непостоянен и кар твоих заслуживает, так за что же она терпит такие муки. А сейчас она пришла меня утешить.

Меня, которая предает ее и делает ее жизнь невыносимой.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Любава, глядя на нее, думала о том, что эта дева не соперница ей вовсе, что вина ее значительно меньше, чем казалась. Она тоже несчастная жертва, которая отомстит ее злодею-мужу за издевательства.

Мария не была робка и покорна, а это уже немало, она не боится его, и сопротивляется, сколько может. Может бог был прав, когда посылал ее, кто знает.

А потому произнесла она страшную фразу:

– Я рада, что ты тут. Вот и испугалась, когда услышала, что ты рыдаешь. Если с тобой случится что, мне и вовсе одной оставаться.

Она говорила в сердцах, путая слова, понимая, что не сможет все выразить.

Но по лицу Марии княгиня поняла, что та ей сочувствует и все понимает.

Сидели они еще долго, и каждая думала о своем, но они перестали враждовать в тот час.

Глава 12 Вторжение

Святослава не было видно несколько часов, он куда-то пропал без следа. Хотя потом воеводы заметили, что он лежал на своем ложе с открытыми глазами, казался мертвым, даже дыхания не было слышно и видно.

Но как много всего на него свалилось в последнее время.

Благодаря Марии он узнал за этот вечер столько, сколько не ведал всю остальную жизнь. И впервые понял, что познания эти только умножают печали.

Нет, тьма, незнания, с которых все начиналось, это прекрасно, если разобраться.

Черная сила существует, она огромна, и только бесшабашный смельчак может с ней бороться.

Но после победы и он ощутит себя частью той силы. Теперь он знал, что случится с Пилатом, но для того грандиозного начала он допишет такой же финал.

Но как после таких раздумий можно было отдаться во власть сна?

Все узнав и уяснив для себя, Святослав подумал, о том, что мир совсем не таков, каким рисовала его матушка с самого начала.

Мария рассказала обо всем так складно и красиво, словно он свиток волхва прочитал.

Но если князь ничего не ведает, откуда это известно деве

юной и прекрасной, где и когда он упустил самое главное?

Она слышала разговоры жрецов с княгиней, но вряд ли сама Ольга смогла бы все понять и запомнить, она отвлекается, никогда не слушает внимательно.

Матушка была образована, свитки и книги читала когда-то, но он отмахнулся от этих познаний.

Зная, что там глубокая ночь, Святослав не собирался ждать до утра. Поднялся с жесткого ложа, полуодетый и растрепанный, отодвинул в сторону наложницу, даже и не вспомнив, кто она такая, и стремительно вышел из покоев.

Ему хотелось выяснить что-то более важное, чем любовные утехы и сон.

Нет, это была ревность к познаниям других, и он чувствовал, что не может примириться со своей темнотой.

Ему хотелось понять, кто кроме него самого владеет ее душой, а может и телом, а если пока не владеет, то все это случится рано или поздно.

Всегда все начинается с малого.

Но уже по дороге он вспомнил ее слова, она сама говорила, что хорошо знает монаха – главного его врага, потому слушала его, запомнила все, что он рассказывал.

Мария менялась в лице, когда его слушала, о чем-то вспоминала. Но не призналась бы в том и ему самому.

– Не побоялась, – с горечью думал князь, знала, что он далек от всего этого. Он правильно делал, что не тратил на жен

много времени, они все того не стоят сроду.

Ни одна из них не стоила Олега, а он бродил за ними по болотам, забывая обо всем, когда они уже и тело потеряли, и стали духами. И что дальше, жрецы вспоминают не о великих его победах, а о той страсти, с которой он напрасно носился.

Святослава такой поворот в его судьбе совсем не устраивал, все должно быть иначе.

Святослав чувствовал, что с рассудком у него все в порядке, но есть в душе что-то противоречащее рассудку.

Это открытие и чувство и не давало ему смирить гнева.

Он невольно остановился перед дверью Марии. Он хотел убедиться, что эта девица, которую он всегда выделял среди остальных, способна любить. Но что она спала с ним, а любила другого. Святослав решительно толкнул дверь, и она распахнулась.

Глава 13 Печали и радости

То, что он увидел в следующий момент, привело князя в некоторое замешательство, заставило замереть на мгновение у двери.

Мария стояла около окна, а его жена, о которой он почти и не помнил, сидела в кресле в ее комнате, они кажется, давно о чем-то говорили.

Все, что угодно рассчитывал он тут увидеть, только не это.
– Что она делает тут? Чего она хочет? – удивленно подумал князь, но ничего не мог понять.

Но спрашивать Святослав ни о чем не стал, потому повернувшись, он тут же удалился.

Любава поднялась из кресла, в которое влипла при его появлении, и так же бесшумно, как и вошла недавно, направилась к двери.

После ее ухода, князь вернулся, но он ничего не стал спрашивать у Марии. Она не должна думать, что его это волнует, много чести.

Но он уже не мог понять, зачем сам тут внезапно появился.

– Ты чего-то хотел, княже? – спросила наложница, в голосе ее послышалась сила и насмешка, никогда прежде она не говорила так с ним.

Она беседовала с ним, как с равным. Эта жена хочет взять

его в оборот? Он потерял над ней управу, она не ведает, что творит.

– Я решил узнать, не прячешь ли ты монаха тут, – признался князь.

– Нет, он в моих покоях, – отвечала Мария, – его нет со дня похорон княгини, он ушел, зная, что если ты его хоть пальцем тронешь. Он хотел спасти меня, но я осталась здесь, так и не решилась с ним уйти. Он думал обо мне, когда уходил. Это ведь я вызволила его из погреба в прошлый раз, когда ты его туда упрятал, мы не могли рисовать во второй раз... Но я думаю, что он спас бы меня, если бы позволил умереть.

Странная усмешка мелькнула на ее лице, какая-то тень по нему пробежала.

Святослав не помнил себя от ярости. Черная огромная тень метнулась к Марии.

– Умереть решила, что же ты мне раньше о том не сказала?

И он вцепился в нее из всех сил, но Мария не испугалась, она оказалась сильной и стойкой, как ни странно.

Что-то странно знакомое послышалось в ее громком хохоте.

Он отшвырнул ее в сторону, отвернулся, чтобы она не заметила ярости, дикой боли, отразившейся на его лице.

Чувства, каких он прежде не испытывал, отразились на его лице. Но они причинили дикую боль. А Мария все хотала и не могла остановиться. Она готова была задохнуть-

ся от смеха. Она была уверена, что он не убьет, что не сможет убить ее.

Святослав должен был себе доказать, что он расправится с каждым, кто пойдет против него.

Но сделать ничего не смог, и готов был упасть перед ней на колени, а потому рванулся прочь из этой комнаты.

Он проклинал свою слабость и обещал, что больше никогда не вернется сюда.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Княгиня стояла за дверью своей комнаты, расположенной напротив комнаты Марии и с ужасом наблюдала за тем, что там творилось.

Она молилась за жизнь Марии, призывая и Живу и Ладугу на помощь. Но как ей хотелось оказаться перед мучителем такой вот спокойной и дерзкой, и бесстрашной.

В тот момент, когда князь бросился из комнаты, Мария все еще хохотала, она отпрянула от двери, словно он мог ее видеть сквозь стены, а потом замерла, дрожа от страха. Ее бил озноб, ей казалось, что на ней он выместит все зло, раз оказался бессилен перед соперницей.

Уже все стихло за стенами, а она все никак не могла успокоиться, прийти в себя. С бессильной и злой радостью, когда, наконец, успокоилась, она решила, что перед ней не смертная, а какой-то дух, воплотившийся в тело Марии, не потому ли и Святослав сбежал без оглядки отсюда?

Она отомстит князю за все, она станет ее орудием мести.

Княгиня убедилась, что как бы зол не был Святослав, он не тронет ее, в ней было что-то от богини или хотя бы богини.

Глава 14 Возвращение к делам

Князь долго и часто еще будет вспоминать ту странную ночь. И не он один. Мефи, внимательно за всем наблюдавший, приветствовал и поддерживал противоборствующие стороны, понимая, что чем больше ярости и ненависти он внушит, тем интереснее будет то, что происходит дальше. Поступки князя казались ему странноватыми, чужим он казался сейчас. Не желая особенно думать и ломать голову, он все-таки считал, что князь должен был расправиться с девицей. Если не совсем ее прикончить, то хотя бы покорить. Но он так увлекся, пока следил за происходящим, что вовремя не вмешался, а потом было уже поздно что-то делать.

Князь, на что-то разозлившись, выпрыгнул из комнаты, а он не успел того остановить, помочь достойно уйти..

Мефи осталось только оставить все как есть в жизни своего подопечного, раз оказался такой шустрый, то пусть поступает как знает, нужно было дать ему хоть какой-то выбор, тем более, что порой это заканчивается неожиданно.. Он не прикончил Марию княжеской рукой, еще и потому, что девка была в его вкусе, могла еще пригодиться живой, а от мертвой толку мало. В ней сидел маленький бесенок, это было лестно и очень занято.

Раздражало только то, что она боготворила ничтожного монаха, который заслуживал лишь презрения. НО и здесь он

был не слишком строг, у каждого свои причуды. Но потом он стал думать о том, что слишком все затянулось. Девушка может погубить лучшего из князей. А такого он допустить никак не мог. Нет, как потомок настоящих викингов, князь должен погибнуть в сражении.

Бес был непреклонен, иначе бы он только транжирил по пустякам время. Это же чувствовал и сам Святослав, все чаще во сне он видел себя на коне, в схватке, в какой-то жуткой битве, врезавшийся в ряды врагов, и он справлял победу над этой дикой сворой врагов. Это были не только грезы, но и реальность.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Мария улыбалась во сне, ей снился монах. Там, во сне бесшумно открылась дверь, и он вошел в комнату. Она удивилась и страшно испугалась, словно к ней явился призрак, а не живой человек. Потому она боялась за него, оглядывалась на дверь и боялась, что в комнату ворвется князь. Со слезами на глазах просила, чтобы он ушел. Но он, обняв ее, только улыбался в ответ.

– Ну что ты, милая, разве страшен мне князь, теперь я знаю, что ты любишь меня, а не его, мне ничего не страшно, – тихо и ласково твердил он, а потом, склонившись, поцеловал ее. Впервые в жизни он поцеловал ее во сне. В этот миг и появился Святослав. Мария вскрикнула громко и пронзительно, но испуга не было. Она заметила, что он мал и ничтожен рядом с монахом. Он тянул к тому руки, похожие на копыта,

на голове появились рога, а сзади – хвост.

Мария захохотала, увидев, как неожиданно изменился ее возлюбленный. А монах твердил:

– Опомнись, ты блудный сын и должен вернуться к Богу. Но черт-князь взвился от ярости, пока не упал замертво перед ним и перестал дышать, потом, когда она снова на него взглянула, перед ней был черный бугорок, похожий на муравейник в лесу.

– Он умер? – спросила Мария у монаха.

– Ага, – ответил тот, – мы не смогли его спасти. Его душа попадет в ад, – с болью говорил монах.

– В ад, – словно эхо повторила Мария, а когда оглянулась, никого уже не было рядом. Она пробудилась с этими словами на устах и встrepенулась.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Князь Тьмы с интересом взирал на своего подопечного. Хотя Святослав не вызывал в его душе подобного восторга, да и мало что в мире могло вызвать в его душе восторг.

Святослав казался ему заурядным мелким бесом, таких вокруг было десятки и тысячи. Почему ему нужно было столько времени уделять этому? Он соглашался с тем, что это единственная фигура, на которую можно поставить в игре, но Мефи видел недостатки и просчеты, уж если даже Ольга предала его и ушла к своему новому немощному богу, то этот добрый молодец убежит в два счета. Впрочем, Святослав к богу, скорее всего не уйдет = это беса и привлекало

больше всего в князе, потому он на многое закрывал глаза. С усмешкой он думал о том, что этот дикарь сравнивает себя с Понтием Пилатом, с патрицием, баловнем судьбы, грозным римским всадником, несмотря на все слабости и недостатки, которые Люцифер прекрасно знал, они все-таки были несравнимы. Каждый жест, каждое движение палача просчитано, наполнено артистизмом, а этот дикарь и варвар с бешеными страстями, перекусивший легенды на свой лад с замашками Всевышнего... Нет, история повторяется, как фарс, как часто убеждали его мертвые философы.

Он терпеть не мог монаха, но распять его бы никогда не позволил, даже если бы самому пришлось вмешаться в происходящее, хотя уже несколько веков он этого не делал. И пусть Мефи лезет из кожи, ему придется схватиться с самим Князем Тьмы.

Князь и по отношению к любимцам часто проявлял твердость, а уж враги его должны были трепетать.

Не ему судить, учить, расправы учинять.

Князь понимал, что Святослав в руках у Мефи – главный козырь мести Ольге за предательство. Это его оправдание в проигранной схватке, но ясно было и другое. Не самый это крупный козырь.

В разговоре с бесом он дал тому понять, что не в восторге от того, что творится тут.

Если им понадобится его помощь, пусть они забудут и не на что не надеются.

Откровенность его не удивила и не возмутила Мефи. Тот решил просто самоутвердиться. Он понимал, что Люцифера отталкивает варварство души князя, темноте и негибкость ума, что было для властелина страшным пороком. Для него же все это сотворило неожиданные и даже забавные черты, которые ему очень были любы. Но ему хотелось начать как можно скорее действовать.

Глава 15 Схватка с печенегами

Печенеги узнали, что коварной старой колдуньи Ольги больше нет на землях русов., ушла она к праотцам своим и никогда не вернется. На месте ее княжит теперь молодой и несмышлёный ее сын.

Встрепёнулись они и устремили взоры к этим землям. Когда воеводы говорили князю о Святославе, он лишь усмехнулся в ответ:

– Самое время, этот малец еще ни в одном сражении не был, надо бы нам проучить его хорошенько, – изрек он и оглянулся, ища поддержку.

– Ты прав, Владыко, чем скорее, тем лучше, только у него старая Ольгина дружина, они прошли немало сражений, молод только сам князь.

– А что дружина без князя, когда Ольга в последний раз воевала? Была прежде дружина сильной, да сколько воды с тех пор утекло, сколько зим и лет миновало? А мы вчера из схваток вернулись. А колдовство сгинуло вместе с нею раз и навсегда. Чего нам нынче опасаться?

Он так взглянул на противившегося, что тот не произнес ни одного слова. Просто отошел в сторону и стих, словно его и не было.

– Нам нечего бояться, – закончил свою речь князь печенегов, предчувствуя быструю и легкую победу.

Он торопил своих воевод, решил больше времени даром не терять.

Потом труднее будет справиться с теми, кто окрепли и расправили крылья, хлопот прибавится.

Он любовался своими воинами и видел во сне, как они побеждают и топчут славянские дружины.

Хотя среди воинов слышался ропот, они припоминали что-то и вовсе не рвались в схватки с молодым князем.

А вдруг и Святослав научился колдовать? Если он не только на свой меч надеется, есть у него и большее. Нет, простые воины старались держаться от колдунов подальше, но все же отступать, проявлять нерешительность не могли. А вот получить русские земли в награду, об этом мечтали тогда многие.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Святославу сообщили о приближении половецкого войска его дозорные. И как бы он не готовился, но все показалось неожиданным. Яростно желавший воевать только на чужой земле, он понял, что все меняется, и надо готовиться защищать свои земли.

Дружинники тоже несколько растерялись, они так давно не воевали, только ярость князя заставляла их собраться и готовиться к новой схватке.

Святослав не собирался ждать, пока враги подойдут к стенам града и станут его освобождать. Вечером того же дня он выдвинулся в поход к ним навстречу. Станный ропот и женский плач остались за спиной. Сам молодой князь оделся как

можно проще, лишь алый плащ выделял его среди остальных воинов, хотя издалека трудно было понять, кто же там князь.

Но видеть его должны были воины перед которыми он рвался в сражение.

Князь вспомнил, как он оглянулся, когда отъезжал от своего дворца. В одном из окон он заметил бледную тень, и не человека вовсе, а приведение. Нет, это стояла жена, глядя, как он отправляется в поход.

Он взглянул на другое окно. Там за ним была Мария. Оно плотно закрыто, задернуто занавеской. Никого там не было видно.

Он поискал глазами Анну в толпе. Она стояла на крыльце, видя, что князь ищет ее, подошла к нему, протянула руки. Он что-то тихо сказал ей, она улыбнулась и отошла в сторону.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Проклятая баба, – подумал он о Марии, уже уезжая со двора. Ей кажется, что я на свидание к другой ухожу?

Ему так тягостно было помнить, что он уделяет ей так много внимания.

Князь в ярости решил больше не переступать порога комнаты Марии, а потом пожалел, что так мало внимания уделял Анне, она явно заслуживала лучшего.

Но непонятно было одно, то ли одна должна была умереть в его памяти, то ли сам он не собирался возвращаться из этого похода.

Мария на самом деле не хотела видеть князя, даже сейчас, когда он уходил в сражение.

А ведь он уходил в первое сражение, и знал, что никто его не пожалеет, не будет ждать назад.

А первая битва может стать и последней, если не повезет. Но Мария считала, что ни теперь, ни позднее, с ним ничего не случится, она не могла забыть, как он отшвырнул ее и отправился прочь.

Нет, она мечтала о монахе, для которого была почти богиней, так он смотрела на нее, так к ней относился.

Она готова была проклинать свою долю за то, что все у нее сложилось вот так, что же за невезение такое.

– Зло побеждает и так будет всегда, – решила она про себя.

С княгиней она встретилась, когда дружинников и след простыл

– Ты не ходила его провожать? – спросила та

– Нет, не бывать этому, – отвечала ей наложница.

– Он искал и ждал тебя, – отвечала та

– Знаю, но мне не хотелось желать ему зла, а добра, я не могла желать ему добра.

– Ты злопамятна, а он любит тебя, по своему, но все-таки любит. Я бы все простила, если бы он любил меня.

– Все простила, но как можно прощать равнодушие и насилие? Что же они за люди такие?

Она ничего прощать не собиралась, даже если ее ждет дорога в ад. Но почему он выбрал ее, а не Анну и не покорную

и славную свою жену? Что это такое, как такое понять?

Как странно устроено все в мире..

Она попрекала себя за то, что так много думала о князе.

А может ей больше не о чем и не о ком думать? Она привыкнет со временем и ей тоже понравится насилие?

Нет, она не представляла себе, что останется без дворца, роскоши, слуг, нарядов. Да и делать она ничего не умела, а учиться ничему не хотела.

Но может в озеро шагнуть, как с наложницей Олеговой случилось давным-давно, да и стать русалкой.

Не станет Святослав приходить на то озеро, но ей больше ничего не будет нужно.

Но потом она решила сбежать куда-нибудь так, чтобы он отыскать ее не смог.

Она верила, что однажды монах ее отыщет и придет за ней. Не сможет он в чужих краях без нее оставаться, а она согласится идти за ним, куда позовет, хоть на край света. Но как она могла забыть о страшных карах для тех, кто наложил на себя руки?

Но оставаться русалкой и подстергать и пугать людей ей тоже не хотелось. Мария любила жизнь, но не эту, уготованную ей судьбой, а сотворенную в ее мечтах, ту, которая была ей обещана. И чем сильнее она страдала тут, тем лучше ей будет в том мире, который она навестит потом, когда земной ее путь завершиться.

Она просила своего монаха больше не оставлять ее тут.

Глава 16 Начало сражения

Русичи прибыли на поле битвы раньше печенегов, остановились и преградили им дорогу.

Князь решил остановиться сам и остановить врага здесь, а пока можно было перевести дыхание. Старики – дружинники, а их оставалось совсем немного, вспоминали о хитрости, ловкости, бесстрашии печенегов, о том, как трудно с ними сражаться.

– Пусть, – решил Святослав, не останавливая их, – настраиваются на трудную битву.

Он хотел победить нынче, он обязан был добыть эту победу. Пусть потом проиграет сколько угодно сражений, но сейчас он должен победить.

Князь немного переживал, ведь бес не подавал никаких знаков и признаков жизни. Неясно было даже с ним он или без него. Если это грозная сила, то за его плечами не оставалось никого, кроме этой силы.

– Что это? – прошептал Святослав, – он решил меня покинуть или затерялся где-то, замешкался.

– Не то и не другое, – слышался голос, князь почувствовал, что бес находится рядом, он просто молит почему-то.

Мефи был уверен, что теперь князь не должен на него надеяться. Надо все сделать самому. Только если случится что-то страшное и непоправимое, тогда можно будет ему помочь.

Ведь губить князя в первом же бою он не собирался.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Полчища хазар не заставили себя долго ждать. Они появились на закате, их хан был страшно удивлен, когда заметил русичей здесь.

Хазары с ходу должны были вступить в сражение, хотя этого делать им совсем не хотелось. Оставалось досадовать, что с самого начала все было не так, как хотелось.

Старый воин помчался навстречу мальчишке, о котором никто ничего не ведал. Молодой князь держался с наглым спокойствием, и в этом было что-то противоестественное. А если рассказы о волхвах и о чарах были правдой, пусть даже не до конца, но что тогда оставалось делать?

Ему нравилось, когда все шло так, как задумал он, не хотелось что-то менять из задуманного.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Святослав проснулся за несколько минут до появления печенегов, поднялся и вышел из шатра, будто чувствуя, что пора просыпаться.

Он чувствовал, что наступил главный день в его жизни, все должно было решиться.

Он слышал топот множества копыт, перераставших в гул, но еще не видел этой тьмы воинов.

Мефи так и не подавал знаков, князь досадовал не в силах вернуть его, когда этого хочется.

Воины его казались спокойными и уверенными, вспоми-

нали Олеговы времена, размышляли о доблести и славе.

Черная рать – так издалека выглядела орда печенегов. Хан в алом наряде – только он один отличался от остальных. Он стоял впереди, готовый бросить своих воинов вперед.

Они оставались где-то рядом и смотрели на воинство.

– Мальчишка, но он не казался таким уж молодым, – думал князь, – он грозен, уверен в себе, спокоен, неужели когда-то в своей первой битве он так чувствовал себя? Пожалуй, он и голову готов сложить, и теперь все решится.

Святослав понимал, что победить ему предстоит этого князя, и хорошо, что этого, менее молодой, опытный был бы не так важен, ему нужен такой.

Не выдержав напряжения, он первым двинулся на противника.

Мефи всплеснул руками, – волнуется и страшится, ну да ладно, там будет видно, как быть и что делать дальше.

Они сошлись и шум, и лязг оружия оглушил многих. Пали где-то первые убитые, все смешалось в страшной схватке, невозможно было разобрать, что там происходило, кто одерживал победу.

Только князь вился над всеми, словно жуткий змей, и не собирался отступаться.

Он разил сразу двух печенегов, отбрасывал еще двух, можно было дивиться его силе, словно замороженный носился он над ними, и не собирался отступать.

Печенеги отпрянули, не выдержав напора русичей. Мерт-

вые остались лежать на поле, живые стали думать и твердить о колдовстве. Святослав казался могучим и неуязвимым.

Пока они сражались, забыв о времени, все перемешалось, и все-таки не могли понять, кто же победит.

Бес первым увидел, вскочив на дерево, как Соловей Разбойник, что же там творится.

Они дрогнули к закату, и поняли, что должны уходить.

Князь что-то крикнул своим, решив, что дело сделано, сражаться дальше не имело смысла, слишком велики потери.

Он знал много побед и столько же поражений, это была одна из многих его побед, но ему она показалась самой главной.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Святослав наблюдал за тем, как отступали печенеги, как все заканчивалось.

Он не радовался, они потеряли треть дружины, и пока еще смогут восстановить силы.

Он чувствовал, что от его победы до поражения был только один шаг, если бы он дрогнул в какой-то момент, отступил, то все бы в один момент изменилось.

Он заметил теперь, что так устал, что даже руки тряслись, он едва держался в седле, и боялся, что может рухнуть на тела убитых.

Воины перевязывали друг другу раны, ходили между телами убитых, складывали на подводы их тела, хотя сами едва держались на ногах. Страшный груз должны были вести

в град изнуренные кони, чтобы их можно было похоронить по-человечески.

Князю подали свежего коня, а он вспомнил рассказ жреца о князе Олеге. Нет, он не должен так привязываться к животному, добром это не кончится.

Они вернулись в град к полдню, двигались медленно, держались из последних сил, хотя рухнуть бы в траву, чтобы перевести дух, но никто на такое не решился.

Это была первая победа молодого князя, а потому самая тяжелая.

Глава 17 Триумф победителя

Князю доложили о грабежах, совершаемых его воинами на поле битвы, во время того, когда преследовали печенегов.

Святослав слушал доклады молча. Ему была мила жестокость его воинов – жестокость победителей.

– Так ты не собираешься их наказывать? – поинтересовался Всеволод.

– Нет, – только и мотнул он головой, – я рад, что они такие, что они так быстро забывают о немощи и лени, враг должен быть сломлен.

– Но не ограблен и растоптан, – не удержался то т, не глядя на князя, замолчал, понимая, что перед ним не Олег вовсе. Сам же он был убежден, что воины не должны становиться разбойниками

Но это время ушло, видимо навсегда, понял он, глядя на Святослава и не стал кликать беду на свою седую голову. Он слишком стар и устал для этого, да и кто не знает, что князь всегда прав. Он понимал немного запоздало, что Святослав ждет от него другого, и даже догадывался, чего именно, но молчал. Он знал о трех струсивших дружинниках. Но они были молоды и не выдержали вражьего натиска. Перед ними стояли такие грандиозные цели, как и у их ровесника князя. Да и нельзя было судить о воинах по первому бою. Так часто было, что вовсе не самые храбрые в первом

бою становились героями и казались богатырями.

Когда князь спросил его о том, он промолчал. Святослав терялся в догадках, хотя и не подавал вида, они не должны знать, что он растерялся. Но какой же он воевода, если покрывает трусов. Но он решил пока не углубляться в это, решил незаметно поставить точку в разговоре. Воевода был уважаемым человеком, не стоило его притеснять, иначе дружинники могут взбунтоваться, а он еще не научился ими управлять?

Почти прекратив разговор, он заговорил снова.

– Где трусы, бежавшие от схватки? – повернул он резко голову.

– Они не бежали, – отвечал воевода – они просто оказались не такими быстрыми, проворными. И теперь стояли друг против друга и молчали.

– Это должно быть неповадно для иных, не знаю, почто ты их покрываешь, но не могу такого позволить, – заговорил князь, понимая, что он должен что-то ответить.

Воевода молчал. Теперь он понял, почему так долго прожил на свете, и ничего больше не боится, а уж княжеского гнева ему ли пугаться? И показалось ему, что три юнца стояли за спиной.

– Что с ним? — думал князь, глядя на него внимательно, – неужели он так постарел, что не понимает простых вещей. Не могу я быть добрым, если бы и захотел, ради тех, кто убит, ради себя самого. Что было бы, если бы все не пошло в сра-

жение, если бы дрогнули под натиском.

Он отошел в сторону, и с презрением вспомнил о добреньком боге, о котором так часто говорили в последнее время. Он требовал, что нужно подставить вторую щеку, если тебя ударили по первой, какая глупость. Никогда ни побед, ни счастья не будет им с таким богом. Он воин, и те кто с ним не должны знать, что такое трусость и покорность.

NoNoNoNoNo

Святослав отправил воеводу и пока приказал посадить их в погреб. Ему хотелось подумать и все взвесить. Для себя князь считал их уже мертвыми, но не хотел казаться бессердечным, беспощадным. Хотя такая слава о нем уже бытовала. Но нужно было все сделать для того, чтобы остановить их.

Мефи появился неожиданно, когда князь, откинувшись на кресле, закрыл глаза. И снова увидел картину сражения, мелькали копыта и всадники, щиты и мечи, и падали, снова падали люди, свои и печенеги.

– Ну и как празднуешь? – вклинился бес.

– Отдыхаю, – спокойно отвечал князь, – а ты, как погляжу, на помощь торопишься? – упрекнул он черта.

– Ну почему же, я был там и все видел, и больше, чем ты сам, я даже руководил тем, что там творится, – похвастался он, – и великим воеводой себя представлял, – усмехнулся он, – и мы выиграли то сражение.

– Хорошо так воевать, – начал злиться Святослав, но бес

его оборвал:

– Каждый воюет, как может, это твоя первая битва, вот ты и показал, на что способен, – рассуждал рогатый.

Князь молчал, его поразила странная догадка:

– Так значит, перевес ты помог создать, а если бы тебя там не было

– Вовсе нет, – быстро отвечал бес, – ну может самую малость, когда дело было уже сделано.

И он хихикнул, видя, что князь догадлив.

Но Святослав понимал, почему в равной схватке победил все-таки он, да еще и ни одной царапины не получил. Вот и злился он на беса, уверенный, что его там не было, а когда узнал, что он там был, опять злился, может оттого, что держал его в неведении.

Это называется везением, удачей, когда при равных силах и упорном сражении побеждает кто-то один, и самому победителю порой непонятно, почему так получилось. Но в отличие от других Святослав знал, почему так все вышло.

– Мне нечего было бояться, погибнуть я тоже не мог, но так часто казалось, что конец близок.

– Ты выдержал испытание, – подтвердил Мефи и держался на высоте.

– Да, но какой ценой, – вздохнул тот.

Глава 18 Первые шаги

И снова наступил рассвет. Для юного князя началась совсем другая жизнь. Это была жизнь воина. Болели руки и ноги, все напоминала о вчерашней сече. А в княжеском дворце все было по-прежнему, словно ничего не случилось.

Он заглянул в свои покои. Княгиня сразу заметила его вторжение и улыбнулась, хотела что-то сказать, но промолчала. Он захлопнул дверь и отправился дальше. Говорить с ней не хотелось, что она могла знать, что понимала из того, что в мире творилось? Лгать и притворяться он не собирался, а сказать то, что думает, не мог, ради собственного спокойствия.

Он сделал ее княгиней, вот и пусть радуется, и не вмешивается в то, что творится. Хотя почему он осчастливил ее, понять этого Святослав не мог. На ее месте могла оказаться и любая другая. Ничего бы от этого не переменялось. Анну он встретил в переходе, как всегда в полумраке. Она была мягка и нежна, как обычно, другой она быть не могла, наверное, такая и должна оказаться рядом с ним. Но чувства его были противоречивы, и определиться по отношению к своим женам князь никак не мог. Он пообещал себе, что ночевать будет в ее покоях. Ему хотелось покоя и уюта после всего пережитого. Но нигде не было видно Марии, это князя удивило, хотя он и не подавал вида. Но где же она могла быть

столько дней?

NoNoNoNoNoNo

Мария в последнее время вела себя дерзко, оставалась непредсказуемой и кажется, сама не ведала, чего хотела. За это ее стоило наказать, чтобы неповадно было. Потому он и ринулся в ее комнату. На этот раз она была там, сидела на кровати с заплаканными глазами, даже не посмотрела в его сторону. Нужно было спросить, что происходит, но Святослав не собирался этого делать.

– Победу нашу оплакиваешь? – бросил он, хмурясь.

– Мне все равно, победил ты или нет, себя стало жалко, – безразлично произнесла она, словно холоп, а не князь стоял перед ней.

– Отчего это вдруг жалко? Да все только и завидуют тебе, каждая только и мечтает тут оказаться.

– Дуры завидуют. Но ни одна из них о смерти не молила так, как я.

Надо было крикнуть, остановить ее, но Святослав молчал. Он вовсе не думал о чувствах, о том, как живет его наложницам. Их словно бы не существовало, разве что в те короткие часы, когда он был с одной из них.

Но на самом ли деле она о смерти молит? Это его озадачило не на шутку. Если бы так говорила княгиня, он постарался бы понять, но Мария, она не может так говорить.

Он сел на край кровати, повернул ее к себе, заглянул в глаза. Взгляд его был тяжел.

– Тебе здесь так плохо?

– А что тут хорошего? Я не собиралась лгать и притворяться. Убьешь, так может только этого мне и хочется. Сделай хоть одно доброе дело в жизни своей.

Она не шутила, она говорила то, о чем думала не первый день. Неожиданно засмеялась, никак не могла остановиться. Хохот заставил Святослава поежиться. Женский смех, странный, дикий какой-то, который должен был задеть его за живое и задел.

Он тряхнул ее, чтобы она остановилась, потому что слушать это было невыносимо. Неуютно и пусто становилось в его воинственной душе.

Мария откинулась назад, уклоняясь от его удара. Она показалась спокойной и беззаботной, почти мертвой. И вдруг что-то неведомое, горячее, обожгло ее душу. Он обнял ее крепко и порывисто. Вопреки всему, о чем —только что думал, он теперь действовал совсем по-другому. Ему показалось, что она и на самом деле умерла. Он испугался, затряс ее с такой силой, что и покойник бы, наверное, очнулся. Она и очнулась, удивленно на него глядя.

– Князь, – прошептала Мария, – где я и что было со мной?

– Ничего, – буркнул он сердито, у тебя была истерика.

Она внимательно смотрела на него. Болело все тело, словно ее долго били. В его глазах полыхала злость, переходящая в дикую ревность. Что-то теплое и человеческое мелькнуло и пропало.

– Отпусти меня, – прошептала Мария, – я устала.

Князь отпустил ее, но оглянувшись на дверь, снова вернулся к ней. На этот раз он не был груб, хотя Мария не оценила этого.

Почему, зная, что она страдает из-за другого, он не убил ее, а продолжает делить с ней ложе, что творится с гордым и спесивым князем?

Она была необходима ему, потому что Анна всегда верила, только и ждет обратно, о княгине и говорить нечего, но ему нужна была своенравная и непокорная.

NoNoNoNoNoNoNo

Анна была первой женщиной князя, приказ княгини она выполняла с радостью и особым рвением. Она жалела его и хотела показать все, что там будет за той чертой страсти, которой отрок еще не ведал. Она все ему позволяла и все прощала. Она соглашалась быть с ним в любое время, когда он внезапно появлялся.

Она терпеливо ждала, когда ему не было до нее дела, и он вообще забывал о том, что она есть на свете. Даже соперниц своих принимала она спокойно, утешаясь тем, что она была первая. Она позволяла ему все и ничего не требовала взамен. И только после появления Марии она почувствовала какую-то опасность. Но приходилось мириться и с этой ненормальной, которая ничего не понимала, ничего не ценила. Но благодаря всему этому она и продержалась тут так долго.

Мария все еще не могла до конца прийти в себя, лежала неподвижно и смотрела в потолок. Ей было все равно тут князь или он уже ушел, она не собиралась подчиняться и служить ему. Святослав оставался тут дольше обычного.

– Я много говорила, княже, – наконец произнесла она, чувствуя свою вину, – я твоя наложница, и не должна роптать, но иногда это забывается.

Кажется, она пыталась попросить прощение у него, но и вызов одновременно бросала.

– А почто ты ко мне так добр? – снова подала она голос. – Я знаю, какой суровый у тебя нрав.

Он молча рассматривал ее. Он не понимал Марию, и потому пытался как-то разобраться во всем.

– Ты властен над всем, а мы только исполняем все твои прихоти, но мне порой кажется, что умереть, это лучшее, что может случиться.

Он не отвечал, она снова уставилась в пустоту.

Князь резко поднялся и ушел не оглядываясь. Он почувствовал, что сейчас может убить ее, и поспешил подальше от этих покоев. Связывало их что-то странное, невыразимое. Но пока князь мог уйти вовремя. А ведь может пробить час, когда этого не случится. И тогда.

Глава 19 Расправа

Дело, которым уже несколько дней не давало ему покоя, Святослав решил заняться нынче, перед пиром со своими дружинниками. С воинами, уже несколько дней сидевшими в подвале, надо было, наконец, рассчитаться, не вечно же их там держать, возбуждая нездоровые пересуды, да и остальные пусть знают. Он знал, что кто-то станет противиться. Воевода противился из последних сил, хотя угрюмо молчал, не заикаясь больше о пленниках. Он проклинал бессилие, и готов был встать рядом с этими отроками, так невыносима казалась теперь жизнь. И так ненавистна кровавая княжеская победа, она казалась страшнее поражения. Но он мучительно искал выход, знал, что если все будет так, как задумал князь, то никогда и нигде не обретет он покоя.

Когда пришли к нему рыдающие матери тех воинов, он тут же отправил их Марии, сначала хотел послать к княгине, но потом усмехнулся в усы. Ее саму впору защищать от князя, что она сможет сделать для других, а вот Мария, если захочет, сделать может многое. Почему он подумал о ней? Потому что никто другой на ум не приходил. Если кто-то может помешать — только она одна. Вот и попросил он разыскать Марию, рассказать ей обо всем.

— Если она ничего не сможет, то никто не властен. И они тоже уверовали в великую власть княжеской наложницы.

Мария и на самом деле ни о чем не ведала. Она была погружена в свои волнения и переживания. Она слушала то, что ей говорили о вечерней расправе. В правоте слов этих жен и матерей она не сомневалась. Это было так похоже на Святослава. Но она не понимала только, почему они пришли к ней, презренной ими же в другие времена, когда беда не висела над ними. Что может она в такой тревожный час для них сделать?

Но к концу их жалоб она приняла твердое решение. Не бог ли сам выбрал ее для борьбы и спасения. Должен наступить решительный момент – либо спасти этих парней, либо умереть вместе с ними. Она знала, что не позволит себя уговорить, одурачить себя не позволит. Пусть он остается с Анной, с княгиней своей, пусть она будет только горьким напоминанием о прошлом. Но пока она нужна этим несчастным, и они нужны ей, чтобы избавиться от страшной, нечеловеческой пытки.

Она приготовила клинок с красивой рукояткой – подарок отца и семейное сокровище, которое непонятно как к нему попало когда-то. Пусть он используется по назначению хоть один раз, и пронзит сердце недостойной дочери великого отца, ведь на миру и смерть красна, не так ли?

Если это заставит Святослава опомниться, значит было не зря, все тогда было не зря. Хоть какой-то смысл – несколько человеческих жизней. Мария твердо решила так и дей-

ствовать. Князь собрался казнить их за трусость, а разве она не такая же рабыня, разве меньше труслива? Так почему же и ей не умереть вместе с ними заодно? Она много лет трусливо ему подчинялась, так кто же из них больше достоин такой расправы?. Если бы она была другой, то не думала бы о наказании за самоубийство, за бунт, не думала о возвращении монаха, не верила, что он сможет оценить ее отчаянный шаг. Она не могла родить детей, и воспитывать не могла, вот и не остается ей ничего больше.

Нет, если девочке будет определен ее путь, то лучше им не появляться на свет, – так твердо решила Мария. И ведьма делала все, что требовалось, чтобы они не появились на свет. Но страшные пророчества не сбывались. Она не умирала, а жила дальше, убивая тех, кто еще не появился на свет.

Еще вчера она говорила князю о рабстве. Но и рабы порой бунтуют, когда рабство становится невыносимо, надо что-то переменить в этом мире.

Она решила спасти других, а заодно посчитаться со своей никчемной жизнью.

Князь, отрекаясь от язычества темного, все-таки очень любил жертвоприношения. Это делало его любимцем в народе. Они хотели этих жутких зрелищ. Те казались увлекательными и новыми.

Наверное, никто до нее не приносил так просто себя в жертву, правда, она поддерживала чужие варварские обычаи чужой веры. Но разве что-то еще ей осталось?

Глава 20 Пир Святослава

Святослав пировал, отмечая первую победу. Он решил, что ничто не омрачит пира. Никто не знал, что ждет их в середине пира. Они стали думать о том, что никакого зрелища больше не будет. Но некоторые считали, что стоит только немного подождать и все случится. Они томились от страха в ожидании. Они должны были за все ответить именно теперь, когда у победителя праздник. Лучше было вовсе не вернуться, ведь ничто не забудется и не проститься никогда.

Победители творили расправу над побежденными. Но он не чувствовал своей вины, ни капли жалости к несчастным не было в его душе. С той же холодной злостью он уничтожил бы всех, кто вздумал бы сейчас за них заступиться. Для храбрых, но благоразумных воинов это было очевидно.

Матерей убрали подальше от греха. Ведь они бы бросились спасать своих чад, могли бы испортить праздничное настроение. Остальная толпа верила, что князь прав, так и следует поступать воину и защитнику.

Никто не заметил, когда среди них появилась Мария. Так привычен был ее лик, казалось, что она была тут всегда.

Из толпы же она вышла в тот час, когда новоиспеченный Пилат оглянулся вокруг, ища ее взглядом. Толпа была с ним согласна, он ощущал это кожей и радовался, потому не сразу

понял замешательства, когда плебеи расступились перед Марией. Они пропустили ее вперед. Он не виделся с ней накануне, не ведал, что она задумала. Она отказалась принимать участие в пире, задумалась о своих переживаниях, но вот вернулась и что-то решила предпринять.

Не поняла ничего и княгиня, за всем наблюдавшая из окна. Она почти никогда не участвовала в княжеских пирах, а вот теперь решила туда заглянуть, чтобы совсем уж не отставать от жизни. Святослав считал, что она слишком робка и забита, чтобы там быть теперь, придаваться веселью. Но Марию князь пригласил, потому что ему не хотелось оставаться совсем уж без женщин. Она не могла хорошо разглядеть их лица, но поняла, что на площади перед кумиром происходит что-то странное, но задуманное ее мужем.

Там действительно творилось нечто, и было поздно что-то менять. Мария приблизилась к связанным парням, встала перед ними прямая и насмешливая.

– Князь, – громко и отчетливо заговорила она, – ты забыл о четвертом трусе и предателе, вы осуждаете их, но почему обо мне молчите? Уж у меня грехов поболее, чем у них будет.

Она стояла как вкопанная, на том самом месте, заслонив их пышным нарядом. В толпе царило замешательство, а потом тишина, что все вокруг дышать перестали. Исполнители княжеского приказа уже готовились расправиться с парнями, но теперь остановились, не понимая, что им делать даль-

ше. Они чувствовали, что это только начало, Мария выкинет еще что-то и князь не будет так тверд в своем убеждении.

Все разом оглянулись на Святослава, стоявшего со свитой в стороне от лобного места.

Святослав внимательно за ней следил, он первым увидел в руке Марии кинжал, о котором она упоминала еще утром. Раньше других она догадалась о том, что он задумал. Еще мгновение он медлил. Понимая, что произойдет дальше. Он чувствовал, что она не перед чем не остановится. А потом он никогда не простит себе того, что случилось. Как не могла простить его мать самосожжения неведомого монаха. Он помнил, что тот монах стал началом ее падения и гибели. Значит, все в мире повторяется? Теперь и толпа следила за князем и Марией.

Он метнулся к ней, сильным ударом выбил из рук кинжал, и с такой силой сжал ее руки, что она присела от боли, а потом, отшвырнув ее, крикнул:

– Вон, уберите их, пусть идут на все четыре стороны, чтобы никогда и нигде они мне больше не попадались, проклятые. Князь развернулся и отправился прочь с лобного места, свита последовала за ним, парней воевода поскорее проводил подальше. Боясь, что князь может передумать, и тогда произойдет расправа, тогда больше никто его не остановит. Он поднял с земли нож и спрятал в карман. Направился к Марии, убедившись, что та в безопасности и скрылась из глаз.

Она все еще стояла на том самом месте, полумертвая, страшно бледная, готовая упасть в обморок. Он это видел. Она пыталась улыбнуться, видя его лицо. Но она ненавидела всю боль и скорбь, на нем отразившуюся.

– Прости, отец, – шепнула она еле слышно, – я лишила толпу такого зрелища, они не простят мне этого. Но я смогла бы это сделать, а теперь руки у меня дрожат и ничего я не смогу.

Она показала руки – запястья были темными от синяков, оставленных княжескими дланями. Она обняла старика и прошептала:

– Ну что ты, старик, ведь ты же князя Олега помнишь, так неужели мальчишка – самодур сломить тебя может?

Из глаз старика катились слезы – эта баба вздорная напомнила ему о том, о чем совсем не хотелось вспоминать. Но больше никто, даже князь слов ее не слышали, он был потрясен до глубины души.

Мария, еще раз взглянув на старика, пошла прочь.. Она уходила все дальше и дальше от дворца и каким-то чужом вышла к избушке старика. Решила, что эту ночь проведет там. Она ее обнаружила однажды во время прогулки, и так казалась ей надежным убежищем. Там можно спрятаться от дворцовой суеты. Никого больше не хотела она видеть и слышать.

NoNoNoNoNoNoNo

Святослав вернулся в гридню, и очень много пил. Только

отключившись, забыв о реальности, он смог немного успокоиться. Пробудившись среди ночи, он думал о том, что чертова девка добила своё, ушла навсегда. А он пошел на поводу у глупой бабы. И хорошо, что он никогда больше не вернется, а она не станет из него веревки вить.

– Она вернется, мы вернем ее, – услышал он голос беса, снова погружаясь в беспамятство. Он поправил одеяло на том ложе, сел охранять его сон, а заодно поразмышлять немного о грядущем дне, чтобы больше не было такого косяка, да еще со стороны наложницы. Он решил немного побыть ангелом-хранителем, как называют этих тупых духов, которым ничего не нужно, никого они хранить не хотят и не собираются. Этого поступка князя бес не понял. Он-то надеялся, что вместо трех жертв будет четыре, зачем князю надо было все испортить, если она так хотела, вот и пусть бы сама приносила себя в жертву. Бес бы не позволил ей до смерти себя поранить. Но Святослав так резко вмешался и все испортил. Но может быть эта баба ему дорога и нужна, даже если он не осознает этого. Если же на это надеялся, то она настоящая бесовка, а если она просто помереть хотела, так туда и дорога. Но князь совершил столько глупостей из-за нее, теперь нажрался, как свинья, значит надо дать ему в руки любимую игрушку и вернуть ее назад.

Завтра бес этим и займется, а пока можно и вздремнуть.

Глава 21 Возвращение наложницы

Мария проснулась в той самой избушке с первыми лучами солнца и долго не могла понять, что же произошло, где она находится, почему оказалась тут. Окружала ее великолепная природа и тишина. Сначала она подумала, что перенеслась в совсем другой мир, но потом поняла, что просто ушла из княжеского дворца в лес, ноги сами привели ее к этой избушке. Вот она пробудилась и вернулась к реальности. Ей хотелось только одного – остаться в этом лесу навсегда и не возвращаться туда. А ведь жизнь прекрасна, если быть подальше от князя и его свиты, а просто жить и радоваться. Человек сам портит ее, когда желает невозможного, хочет все изменить, и не получает то, что хотел. И бесплодные эти стремления просто все уничтожают на пути.

Так рассуждала наложница князя, отрезанная от него полосой дремучего леса. Но дорогие ее одежды тут казались чем-то странным и далеким среди этих темных стен и утвари простецкой. Хорошо, что ей удалось тут спрятаться от суеты княжеского мира, словно бы она заново появилась на свет, оставив где-то груз страданий и разочарований.

Но так хорошо было Марии только в первые минуты после пробуждения. Через несколько часов она почувствовала скуку и пустоту, от которой захотелось поскорее сбежать. Хотелось кого-то встретить, с кем-то поговорить. Она уже

страстно желала общества человеческого, с которым недавно только простилась.

Ведь не все же они так плохи, есть и прекрасные и светлые души. И она должна жить там, а не скрываться в глухом лесу.

Вырвавшись из избушки, она побрела по лесу. И сразу же вспомнила о Святославе. Зачем он вчера выбил нож у нее из рук. Он так презрительно к ней всегда относился, а тут решил спасти ее зачем-то. Он не побоялся быть смешным.

В мире людей происходило что-то непонятное и необъяснимое. И было только одно объяснение всему, наверное, он не хотел, чтобы она была принесена в жертву, с ней были спасены и эти парни, и матери их должны быть ей благодарны за все.

А она оказалась в глуши забытая всеми и заброшенная. Но может быть, потом они вспомнят о ней добрым словом, а остальное все не так важно, хуже, чем было в последние дни ей все равно не будет.

Потом мысли перенеслись к монаху. Он уехал навсегда, надежды на то, что он когда-то вернется, не было. Нет, возвращаться для него было бы полным безумием, он не должен возвращаться, это точно. Иначе все закончится страшной трагедией.

Полдня бродила Мария по лесу, собирая грибы, любясь зверюшками и слушая пение птиц. Потом она уселась в высокую траву на поляне. Она не слышала, как подкрался к ней тип, переодетый странником. В его холодных глазах было

что-то отталкивающее. Больше не было покоя в ее душе.

– Что тебе нужно? – спросила Мария, понимая, что он тут появился не случайно.

– Красавица, а ты тут живешь? – спросил он

– Да, живу, – отвечала она, невольно отстраняясь.

– А давно ли поселилась? О дворце княжеском уже позабыла? Или тебе все-таки надо туда воротиться?

– Мне нечего там делать, – грубо ответила Мария, досадуя, что он так привязался к ней, – там тюрьма, а я хочу оставаться на воле, – говорила женщина, давая понять, что разговор окончен.

– Но ты нужна князю, – не сдавался он.

– И зачем я ему понадобилась? В постели его меня заменит любая, а для выходок, подобных вчерашней я не гожусь. Это безумие, которое ни к чему хорошему не приведет.

– А я говорю, что ты должна вернуться, – настаивал он.

Мария злилась, потому что чувствовала в нем какую-то странную силу. Что ему нужно, чего он от нее ждет, интересно, зачем все это?

Но она молчала. Она чувствовала, что не может противиться, он подавил ее волю. Князю могла, а этому – нет. Но кто он такой, почему все так происходит?

– Твой монах хорошо тебя приручил, – добавил тот с насмешкой, – но он оказался слабаком и предал тебя.

– Не смей говорить о нем, не тебе о том судить. Как резко она его оборвала.

– Хорошо, – чуть отступил он, видя, что это очень важно для нее. Но не во всем ты вольна. Но подумай сама, что ты будешь завтра делать в лесу? Тебе нравится тут? Нынче может и ничего, но завтра ты взвоешь от тоски и одиночества – человек должен оставаться с людьми, как бы плохи они не были.

– Лучше помереть от одиночества, чем от холопства, – спокойно отвечала она, улыбаясь.

– Это только кажется. Подумай хорошо, пока князь еще ждет тебя и простит все твои выходки, потом будет поздно. Напрасно будешь тогда просить его о прощении, ведь все в мире меняется. Тогда тебе и злейший враг не позавидует. Ты была на виду, пока наложницей его была, а теперь они о тебе позабудут, будто тебя и не было. Людишки злопамятны и неблагодарны, даже если ты делала им добро. Ты только женщина, хотя и смелая и дерзкая, но только женщина. А если за твоей спиной князя не будет?

Мария чувствовала, что в словах этого незнакомца гадкого и подлого есть какая-то странная правда, но стояла на своем:

– Лучше помереть свободной, чем там под пятой у князя оставаться.

Бес, а это был несомненно он, понимал, что уговоры напрасны, да и надоело ему все это. Он решил немного колонуть, поразить ее волю и привести во дворец. Отступать перед вздорной бабой он не собирался. Так в полудреме, ве-

домая кем-то, это бы увидел каждый, кто хотел приглядеться, появилась Мария снова во дворце, тяжело опустилась на кровать, забылась в тяжелом колдовском сне.

Глава 22 Пробуждение

Бес посмотрел на спящую наложницу. Он приказал ее рассудку забыть обо всем, что было там, о встрече с ним она тоже должна была позабыть.

Мария мирно спала, когда Святослав, проходя мимо, взглянул на ее дверь. Зачем он вошел в пустую комнату? Что хотел там найти?. Слуги верные еще не успели донести ему о ее возвращении.

Увидев спящую Марию, он остановился и ничего не мог сказать. Как она могла тут оказаться, если ее не было так долго?

Конечно, он чувствовал, что увидит что-то неожиданное, но чтобы такое. Она вернулась, она все-таки вернулась, какого черта вообще было убегать от него, если она все равно вернулась.

Какой нетерпимой, отчаянной она была в тот вечер, и вот спит себе спокойно, пойми этих женщин теперь. Нет, никто не поймет ее никогда. Правда, он догадывался, что тут не обошлось без нечистого. Но как бы там не было, бес помог или он сам, князь заметил, как изменилось его настроение, подсадовал, что она оно так сильно от нее зависело. Но она здесь, можно забыть обо всем скверном.

В тот момент Мария и открыла глаза, оглянувшись вокруг, тихо сказала:

– Как я здесь оказалась? Ничего не понимаю, что произошло?

– Ты никуда не уходила, – отвечал Святослав.

– Почему ты не расправился со мной вчера. Все это так странно.

Святослав молчал. Он всегда молчал, когда нужно было признать свою слабость. Он шагнул к двери, не желая больше ничего говорить. Как все это было утомительно и странно, сколько радости и горести слилось воедино.

– Значит, черт сюда меня притащил и все по-прежнему, – обреченно думала Мария, чувствуя, что ей не вырваться из этого круга, и сколько же месяцев и лет мне придется быть рабыней князя?

Равнодушие и безразличие появилось в ее истерзанной душе.

Это сразу же заметил Святослав, вернувшийся к ней вечером. Правда, теперь уже все знали, что Мария снова во дворце. Говорил на этот раз он, а она безучастно взирала в одну точку.

Он сел рядом и обнял настолько нежно, насколько был способен

– Что с тобой? – допрашивал ее князь.

Он ее не узнавал, уж лучше бы она грубила, дерзила, но только не молчала.

Она вроде смотрела на него, но не видела, так не произнесла ни слова, будто потеряла дар речи. Бес вернул ее

или совсем другую, только немного на эту похожую? Ему не нужна была эта покорная, безмолвная, пустая. Он цеплялся за бабскую юбку, и не мог остановиться.

Решение было только одно – он приказал готовиться в поход. Нужно было побеспокоить древлян. Да и боевое искусство надо было довести до совершенства. Это главное – а остальное пусть быльем порастет.

Больше всех возвращению Марии радовалась княгиня. Она уже сама хотела отправить слуг, чтобы нашли ее и вернули, но она явилась к счастью сама.

Только заметила и княгиня как изменилась ее соперница. Она тайно молилась, чтобы та стала прежней. И сердце княгини сжималось от боли и печали. Эта дева должна была за нее отомстить, не дать ей окончательно пасть. Но Любава понимала, что она ничего не сможет сделать, даже если бы и захотела.

Глава 23 Вторжение

Появление дружины Святослава для хазарского хана оказалось полной неожиданностью. Мальчишка вел себя дерзко и напористо. Но было в нем что-то необъяснимое. Старый воин тушевался перед ним, и корил себя за это. Не успел он оглянуться, как часть его земель оказалась во власти русича. Лишь на подходе к городу он решил принять бой.

Дружинники, опьяненные легкой победой, стали грабить и насиловать, как часто случалось с победителями, они помнили, что князь не карал их за это в прошлый раз.

И сам Святослав летал черной птицей между ними, глядя, как его любимец Борис, тащит девицу за косу, едва завернув за шатер, сорвал с ее одежду и стал с воем и ревом насиловать. Она молча сжималась и вертелась, желая вырваться, ужас в ее глазах нарастал, он отступил только когда сделал свое дело и отшвырнул ее в сторону.

Дева лежала в траве и не шевелилась, была ли она мертва или жива, кто знает. Молодой князь и сам хотел позабавиться, но подумал, что негоже ему вот так просто себя терять непонятно с кем, если дома его ждут законные жены и наложницы. Он князи и властелином останется навсегда.

Но пока он решал, думал, что же делать дальше, насиловать или не насиловать, но взгляды их с воином встретились, и было в его взгляде странное безразличие.

Святослав не останавливал воинов, они должны были получить награду за то, что совершали, за перенесенные лишения. Князь казался щедр и великодушен.

NoNoNoNoNoNo

За свой град хазары дрались ожесточенно. Сдвинуть их с места оказалось очень трудно. И недавняя легкая победа почти сразу забылась

Святослав чувствовал, что его заманили в ловушку, заставив зайти как можно дальше. Он приказал отступить от пылавшего града. Ему казалось, что не стоит больше испытывать судьбу. Это было первое поражение юного князя на чужой земле. И спокойно он отнесся ко всему, понимая, что только рассудок и умение вовремя остановиться поможет ему в схватках. Ему хотелось научиться воевать так, чтобы не было таких поражений в грядущем.

Святослав верил в свои грядущие победы, и готов был рвануться к ним с новой силой.

В этом походе князь ночевал в обычной палатке, не требовал себе каких-то удобств, не роптал на трудности. И тогда он почувствовал, что был воином, только воином, одним из них и другим быть не собирался. Это Олег, говорят всегда требовал уюта и роскоши, может быть потому что не получил их в самом начале, а для Святослава не было в них ничего удивительного.

Воины прониклись симпатией к новому князю, стали считать его своим, и он радовался такому отношению.

Еще одно событие должно было порадовать Святослава – накануне у него родился наследник – Владимир, он назвал его так, потому что тот должен был владеть миром. Об этом он узнал сразу, как только вернулся из похода.

Он пошел в покои княгини, чтобы взглянуть на ребенка.

Любава была слаба и бледна, но поднялась к нему. Он приказал ей оставаться на ложе. Это был чуть ли не первый знак внимания к жене. Он подошел к люльке ребенка и взглянул на него. Мальчик был темный и маленький, таких маленьких детей князь не видел прежде. Разве мог он сам родиться таким крохотным? Но это был его старший сын. Так ничего и не сказав больше, он развернулся и ушел на пир. Жену за наследника он так и не поблагодарил.

Вот если бы Мария родила ему наследника, тот мальчик был совсем другим, и жена была бы любимой и дорогой.

– Неужели ее презрение и ненависть так велика, что она не хочет родить ему ребенка, думал князь, вкушая меды. Но он недолго об этом раздумывал, у него было так много дел. Вспомнив о том, что он давно у нее не бывал, Святослав решил зайти к любимой, но потом передумал. Она спросит о ребенке, а ему не хотелось об этом говорить. Он боялся, что может с ней поссориться. А ведь от нее можно ждать чего угодно.

В тот вечер на пире Святослав казался холодным и отстраненным, никто не мог понять, что с ним такое творится.

Глава 24 Страшное пророчество

Святослав с детства слышал рассказы об общении Олега с волхвами, легенда о его странной и загадочной смерти потрясла его тогда. Он и сам помнил, как матушка ходила к колдунье в тяжелые минуты жизни. Но он не хотел слышать ничего о своем грядущем. Князь вовсе не хотел знать своей судьбы, не верил в то, что так может быть, боялся, что будет идти к ней навстречу. Слепо следовать за судьбой он совсем не желал. Он был убежден, что никогда нога его не переступит жилище колдуна или ведьмы.

Но когда князь не идет к колдуну, тот сам к нему приходит. Рядом с ним стояла перепуганная княгиня.

– Святослав, я умоляю тебя, послушай этого человека, может тебе это пригодится когда.

– Зачем? – почти в ярости произнес он, – от чего он меня может спасти? От смерти? От нее по-моему еще никто не спасался, да и я не хочу.

Она стояла перед ним молча, не ведала, что ей делать дальше, уйти или остаться. Но она все-таки ушла, не выдержав напора. А незнакомец упорствовал, кажется, он совсем потерял страх.

Если он не ведал, какой нрав у князя, то грош цена этому колдуну. Но тут схлестнулись две силы и две воли – и трудно было сказать, какая из них сильнее.

Князь, как ни странно, отступил перед незнакомцем, прогонять гостя и яриться больше не стал, возможно, решил быть осторожнее.

– Что ты мне поведать хочешь? – спросил он насмешливо.

– Зря смеешься, княже. Еще твоя матушка знала, что у тебя, как и у твоего отца судьба будет страшная

– Это старая сказка, чему я должен верить. Не ты ли ей о том и поведал?

– Нет, не я, а учитель мой, человек, который был высоко и мне туда не добраться. Но от судьбы не уйдешь. Я не за тем тут, – поправил он

– А зачем же? – поинтересовался Святослав, ему стало вовсе непонятно вторжение этого человека.

– Я пришел предостеречь тебя, сказать то, что никто больше не скажет

– Это о чем же? – поинтересовался князь, хотя было видно, что беседа ему порядком надоела, он готов был рвать и метать. Но старик был настырен, а князь мягок как никогда прежде, что случалось с ним редко.

– Князь, ты плохо живешь, с людьми не ладишь, а они любят тебя, они тебе преданы и возражать не могут, негоже так поступать с теми, кто тебе служит верой и правдой.

– И это ты мне говоришь, – усмехнулся Святослав

– Не кричи, я не боюсь тебя, – резко ответил ему колдун, будто он всем распоряжался в мире, хотя, скорее всего так оно и было, – я не дожу перед тобой и дрожать не собирал-

ся. А дары твои мне не нужны, угрозы и гнев против тебя и обернуться. Али не ведаешь ты, что зло ворочается к тебе же? Да еще в большей мере, чем отправил ты его другим? Тебе будет легче, если его меньше в мире окажется. Вот о том и хотел тебя предупредить. А так-то смотри сам, да выбирай, что тебе ближе и дороже.

Князь смотрел на него молча, слов подобрать он никак не мог, тогда снова заговорил колдун:

– Около тебя темные силы скопились, как они притягиваются к тебе, пока служат они тебе, только какова будет за то плата и представить трудно.

Вот так и оборвал свою речь внезапно колдун. А потом и вовсе в воздухе он растворился, словно его не было или только приснился внезапно.

– Окаянный старик, – прохрипел Святослав, ощутил, что ему трудно дышать, – откуда он только взялся на мою голову. И на что мне его советы и предупреждения его? Да какое ему дело до того, как я живу?

Но разве он не прав был, вот и Мария, где она теперь, что с ней стало?

Но чтобы не расстроиться совсем, он поднялся и отправился к дружинникам. Надо заняться делом, все больше пользы будет. И дела у него в тот день спорились, за что бы он ни брался.

Только к вечеру странное происшествие заставило вспомнить о колдуне. За ужином Святослав взял чашу с вином,

как и обычно, делал и то ли задумался, то ли отвлекло его что-то, но чаша полетела на пол и разбилась. Хотя потом ему казалось, что она развалилась на куски еще у него в руках

Он резко взглянул на тех, кто был рядом, но так и не произнес ни звука. Но другую чашу, которую принес ему слуга, брать в руки не стал. Не слишком ли много происшествий в тот день, который казался долгим и никак не кончался.

А может это жизнь его разбилась и рассыпалась, как та чаша?

Он видел, как беззвучно рыдала княгиня, будто рядом был покойник. Он разозлился еще сильнее, видя, что она так и не научилась скрывать чувства. Уж сколько лет остается она рядом с ним, а все не понимает, как надо вести себя. Мария, давненько он не заходил к ней, только сталкивался где-то в коридорах, на площади, но она была страшно далека и отдалялась все больше. Она не уходила совсем, но и не приближалась. Почему? Если она так ненавидит его, то почему остается в Киеве? Слова мага подействовали на князя, но как-то запоздало. Он решил все разом выяснить и отправился к ней после вечернего пира.

В покоях ее ничего не переменялось, но сама она была другой.

– Ты пришел? – тихо спросила она, – ты все-таки явился. Она внезапно приблизилась и обняла его.

– Ты мое проклятие, княже, нас много связывает, но я не могу так жить, не могу и не хочу.

Она отстранилась от него так же внезапно. Он увидел боль и слезы в глаза. Это заставило его отступить к стене.

Что вообще с ним творится нынче, все словно решили пытать его и не дают покоя.

– Ты нужна мне, я знаю, что ты мне нужна, – прошептал он, или это ей только послышалось. Но если даже он не говорил такого, все равно он так чувствовал, и она понимала, что он чувствует. Но самого Святослава это потрясло не меньше, чем ее. Что это значит, она любила его? Хотя странная это была любовь, ни трепета, ни восторга, ни радости не было в ее душе. Только противоборство, мучительное противоборство. Они то расходились в разные стороны, то снова сближались, это и радовало и пугало одновременно.

Глава 25 Новый бог

Все постепенно налаживалось. Хотя порой это было больше похоже на затишье перед бурей. Зная о нраве князя, никто не обольщался. Сам же Святослав все чаще думал о суде, на котором каждому придется ответить за свои грехи. Он не верил в такой суд, но тревога все равно оставалась. Вот и пришлось подумать о боге и дьяволе.

Так уж получалось, если он верил в то, что есть Пекло и Ний, то должен быть и бог.

– Был он, был, – подтвердил Мефи, снова он оказался под рукой, как обычно бывало, но тебе он нужен, что ли, – ворчал раздражённо тот. Сколько тебе говорить можно, что несовместим ты с распятым на кресте и если ты его примешь, то туго тебе придется. Ты должен идти напролом, а если ты будешь заветы его выполнять, то станешь слабым и никчемным.

Князь чувствовал, что происходит что-то странное.

– Проклятый старик, не думал, что он может так толкнуть тебя в его веру, возись теперь с тобой, – ворчал он сердито.

– Испытать на прочность решил, да просчитался.

Непонятно было то ли тот огорчен, то ли комедию ломает.

– О, черт, – снова разразился он, покачивая копытом, – уж если даже князя он достал своими угрозами, то, как должны относиться замученные, одурманенные смертные?

Но с князем не так трудно было справиться, материнского ума он не унаследовал.

Мефи хотел взглянуть на Ольгу в раю, но знал, что не сможет этого сделать, путь ему туда заказан. Он вспомнил только, как сжались ее кулаки, когда заявил, что отомстит за предательство, похитив душу ее единственного сына. Но он творил доброе дело, как чаще всего и получалось. Хотя заточен был с самого начала на зло.

Но допустим, уверует Святослав в его бога, кем бы сейчас он был, безропотной овечкой, монахом. А он как лютый зверь бросается в схватки.

Бес не повествовал любоваться князем в бою. Он смог расположить к себе дружинников, не в пример матушке своей. В этом он и с грозным Олегом может тягаться. Но тот оставался чистоплюем, а князь свой для всех, настоящий воин, таким его и запомнят. Конечно, нет в нем того обаяния, перед которым все жены тают, но он настоящий викинг и лучший из славян.

Нет, Святослав никогда не переменит бога, как когда – то не принял его и сам бес.. Ему не было места среди ангелов, не собирався он там оставаться.

В каждой душе есть поровну добра и зла, но потом что-то происходит внезапно и потом в ком-то одно зло остается, а у кого-то добра так много, что девать его некуда.

NoNoNoNoNoNo

Святослав почувствовал какую-то радость от того, что

узнал и услышал от беса. Пусть бог тьмы был ближе, но ему удалось покой и радость подарить.

А князь спросил у своего помощника:

– Что, малыш, с князьком все возишься? Не знал, что ты можешь быть таким заботливым и чутким.

– Мы нужны друг другу, – отвечал бес. Хотя ему не нравилось, что тот при всех над ним измывается, не замечает его достижений. Он чувствовал, что новый подопечный ему не по душе, и пока переубедить его не удалось.

– Ты видел побоище Святослава? – поинтересовался он, – князь себя еще покажет.

Ничего больше не сказал Властелин, но неприятный осадок остался в душе. Так и получается, один с богом своим носит, второй насмехается, и каждый мнит себя пупом земли, только ему приходится между ними оставаться. Наверное, только то, что все на самом деле вокруг него и вертелось, и могло успокоить беса.

Часть 2 Большие дела

Глава 1 Княжеский пир

Настроение князя после примирения с Марией и размышлений о мире изменилось. Он распорядился готовиться к пиру. Во времена Святослава пиры были не так часты, как позднее.

Княгиню известие это страшно испугало.. Ведь ей придется появиться на том пиру. А она вовсе этого не хотела, боялась непредсказуемого характера князя, потому пир показался ей стихийным бедствием.

Неожиданно появился Боян со своими гусями. Слуги уже сбились с ног, разыскивая его и боясь княжьего гнева. Но видно Велес не оставил их, старик едва пришел и сразу уселся на отведенное для него место. Он был так стар и немощен, что оставалось только гадать, как пропоет он свои песни, понравятся ли они князю. Никогда прежде они так не волновались как теперь.

Князь было в праздничном белом одеянии, спокойно вышел из своих покоев и направился в гридню к гостям, но замешкался немного по пути, сначала зашел в комнату к Марии. Она сидела в кресле, и идти никуда не собиралась.

— Что случилось? — спросил князь, али не ведомо тебе, что

пир у нас?

– Не хочу, – тихо отвечала она.

Он не сразу понял, о чем она говорит, что удерживает ее в комнате, да и не погружался он в то, что творилось в душах жен.

– С тобой будет княгиня, а место среди воинов твоих занимать не надобно мне, – пояснила она, понимая, что он не уйдет, пока она ему всего не расскажет, – не хочу, чтобы они усмехались и называли меня дурными словами, иди туда, они ждут тебя не дождутся.

Святослав помедлил у двери.

В ее голосе звучала усталость и обида. Она думала о себе и жалела себя. Он понял, что зря сюда заходил в такой час. Он сам все снова испортил. А потому не пошел за княгиней. Ему не хотелось срывать зло на любимой наложнице.

NoNoNoNoNoNo

Всех пригласили к столам после того, когда уселся князь. Он взглянул на лица соратником, видел, да чего только он не видел на их лицах. Было из-за чего жить, за что сражаться. Они готовы были ловить каждое слово, подчиняться ему. Он привык быть князем с рождения, а значит хозяином в этом мире, у него не было соперников, никто не покушался на его дом и стол.

Не было тут княгини и Марии не было, это показалось странным многим, но пока никто ни о чем не спрашивал. А еще тут не было беса, если он не укрылся в теле одного

из воинов, конечно, а в остальном все были на княжеском пиру, и отведав меда, слушали песню Бояна.

От размышлений князя сказитель и отвлек. Он пел теперь об Олеговых подвигах, о щите на воротах Царьграда. Святослав взглянул на него, как будто тот у него на дороге внезапно встал. За столами воцарилось молчание, гости гадали, как на все отреагирует Святослав, проснется ли в его душе зависть к грозному мудрому князю, ведь она когда-то убила отца. Об этом же подумал и сам князь. На лице его засветилась какая-то странная, рассеянная улыбка. Но разве не начнет другой старик на другом пиру петь о его подвигах?

Князь успокоился, и снова погрузился в свои думы, и только дружинники и воеводы прислушивались теперь к песням старика.

На пирах решались все самые важные дела, здесь в торжественные минуты они готовились к битвам.

Старик замолчал, и повернулся к Святославу. Он перевел дыхание, вкусил меда и запел снова, потому что его не отпускали еще с пира.

Нет, он не примет нового бога, потому что в этом случае не поведает Баян мину о его подвигах.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Мария тем временем вошла в комнату княгини. Она никогда прежде там не бывала, но когда узнала, что княгини нет на пиру, почувствовала вину перед нею. Она знала, что виновата в том, что творилось там. Ей не хотелось думать

о том, что та страдает. А ведь и женой его она стала против воли, ничего не понимая в том, что творилось вокруг.

– Прости, тебе хотелось быть там?

– Ну что ты, – улыбнулась та. Она редко улыбалась, и это порадовало Марию, – мне никогда не хотелось там быть, это меня пугает, это такая пытка, среди воинов находиться.

– И все-таки князь жесток, – не унималась Мария.

– Он даже не зашел ко мне, – пожаловалась княгиня.

Все с ней было как-то не так, как он может так поступать с этой девицей, хотя все в его власти. Но она сразу уступила и смирилась. Но может быть только такая и выдержит его нрав?

Глава 2 Предательство

Когда эта дева появилась во дворце, трудно сказать. Вторжения ее никто не заменил сначала. Она прислуживала где-то там, помогала в хозяйстве, и в какой-то момент стала наводить порядок в покоях князя. Она заставляла Святослава там случайно, и очень пугалась, хотя это было сплошное притворство, конечно. Князь не замечал и не запомнил ее, как и любую вещь в своих владениях, а голоса она не подавала.

И лишь однажды, когда она оступилась и чуть не упала, он мимоходом на нее взглянул. Но сколько же усилий потребовалось ради единственного взгляда.

Так кто же она такая и откуда взялась?

Она родилась в избе пахарей, и все, что ей было обещано, тяжкий труд с рассвета до заката, грубый муж, который считал себя хозяином в доме, и потому мог быть с ее знакомыми и соседками, и унылая жизнь до самой смерти.

Но вдруг все переменялось, когда ее забрали в княжеский дворец. Она была многому научена, старательна и проворна, для служанки самые лучшие качества. И она тут же решила, что приблизится к князю, даже если разобьётся в лепешку. Разве не он тут самый сильный, самый красивый и надежный из всех смертных? Кто-то из ее подруг невольных заметил все, что она пыталась проделать, чтобы добиться своего, за спиной над ней посмеивались, а парни, узнав о том, обхо-

дили ее стороной. Уж если служанка в княжескую постель метит, то и пусть остается одна.

Она же решила не возвращаться домой, потому что, побыв тут хотя бы недолго, туда уже не возвращаются.

Тетка, которая и привела ее во дворец, была созданием добрым и доверчивым, она одна не замечала того, что творится в душе у ее родственницы.

Правда, когда она столкнулась с князем в первый раз и смогла его разглядеть, то показался он ей не таким уж и красивым, но и это не смутило и не остановило ее в своем стремлении подняться вверх. А он был и останется князем. На ее радость умерла самая старая и преданная служанка и устремилась Танька в княжеские покои. И она еще удивилась тому, что не было у нее конкуренток, никто не хотел оказаться на ее месте, с чего бы это? Она и не подозревала, что многие ей были благодарны за то, что она там оказалась. Кто-то спрашивал друг у друга, долго ли она там продержится. Но тогда кому-то придется занять это место, а замирать от страха не многие были готовы.

– Уж не к князю ли на ложе забраться хочешь? – спросила старшая кухарка, рябая толстая баба, и усмехнулась про себя.

– А хоть бы и на ложе, тебе-то что?

Она уже чувствовала превосходство и власть над другими

– Мне дела нет до того, но смотри, могилу себе копаешь, как бы ноги потом успела унести, вот и обернется княжеское

ложе землей сырой, так что никто не найдет тебя и искать не станет.

– Поди прочь, ведьма, – усмехнулась Танька.

Какие – то злые искры блеснули в глазах у служанки. Но она не собиралась отступать, пусть лучше помереть, чем жить как они все тут. И без Святослава не было ей жизни, правда тот об этом не догадывался, знать не знал, и ведать не ведал. И что он за муж такой, разве не видит и не чувствует, что она на все готова?

Она пристально разглядывала Марию, говорят, она главная среди его жен и наложниц. Но что в ней такого? Старуха, ни рожи, ни кожи, вечно чем-то недовольная, обиженную из себя корчит. Счастья своего не ведает, дура. Но рано или поздно все переменится, надо только потерпеть и подождать немного.

И однажды князь, заглянув к себе среди белого дня, увидел задранный подол ее юбки, пока она мыла полы, швырнул ее на ковер, быстро, грубо овладел ею, словно зверь лесной. Свершилось то, о чем она так долго мечтала, но не подпуская к себе мужей прежде, она была разочарована, понимая, что это все скверно и унижительно. Разве стоило ради этого так долго ждать и страдать? Если бы это был не князь, то она и вовсе бы отказалась от соединения с парнями. Но на что только не пойдешь, чтобы стать его наложницей, о том, чтобы быть княгиней она пока не думала.

– Ты еще девка? – усмехнулся Святослав

– Уж нет, наверно, – пробурчала она недовольная тем, что испытала, она не смогла этого скрыть.

Вот такие нежности они и проявили друг к другу тогда.

Он резко поднялся с ковра, потому что в дверях появилась Мария.

Она была удивлена и растеряна, но вовсе не злилась на то, что узрела. Служанка все еще лежала на ковре, и, кажется, радовалась, что та все узрела.

– Я приду позже, – отвечала она, едва взглянув на девку, даже не запомнив, какая из них там валялась, – но зачем ты посылал за мной? Хотел, чтобы я это видела? Экая невидаль, ни она первая, ни она последняя,

Святослав приблизился к ней, схватил за запястье, но Мария вырвала руку так резко, что пальцы его разжались, усмехнулась, пристально на него глядя и ушла.

В комнате осталась только Танька, надеясь, что они продолжат то, что пришлось прервать.

– Поднимайся и убирайся прочь, – внезапно услышала она, – чтобы духу твоего тут больше не было, чтобы на глаза мне не попалась.

Нет, эта змея подколодная что-то шепнула ему, потому что гневу не было предела. Вот и убралась служанка от греха подальше, и сказала старшей, что князь ее прогнал и не велел являться.

NoNoNoNoNoNo

Мария смеялась в своих покоях. Она не чувствовала ни

злости, ни ревности, даже радовалась, что из-за таких девок их встречи не так часты и изнурительны, что он к ней является по праздникам только.

Нет, ей было просто смешно, как-то странно весело. Ее словно кто-то толкнул туда, чтобы показать, что же там творится. Он просто волк, зверь лесной, которому ничего не надо, кроме одного. Но словно бы она не ведала этого прежде?

Он толкнул дверь в ее комнату и остановился на пороге. Она не видела, а только слышала его голос:

– Я муж, я князь, и все бабы мне принадлежат

– И что дальше? – бросила она, – мне все равно, где и с кем ты, а вот то, что даже кухарка и служанка такой чести достойны, это мерзко, княже. Не ты ей нужен, а все, чем ты владеешь.

– Что? – то ли не расслышал, то ли удивился Святослав, – да ты в своем уме? Мало чего захочется ей и любой из них.

Кажется, он начал сердиться еще больше.

– А вот поглядишь, как все обернется, и ее отпрыск еще поубивает твоих сыновей, чтобы стол княжеский занять, потому как ты его зачал, а такие всегда рвутся к власти через трупы.

Святослав поежился, о том самом ему говорил монах, еще в детстве, когда пытался объяснить, что князь должен быть разборчив с девами и бабами, слишком велика опасность.

– Зачем звал? – услышал он голос Марии откуда-то изда- лека.

Он злился из-за того, что она даже не ревновала его. Она казалась предательницей, и он чувствовал, что она не любила его совсем. Это дура подвернулась под руку, а ей хоть бы что. Она не любила его, а он мог всю жизнь прожить в неведении и думать, что она любит.

– Что ты задумал? – спросил возникший из воздуха бес, как только князь вернулся к себе.

– Отомстить, – произнес Святослав решительно.

– Брось, твои чувства к ней не переменятся, у каждого есть своя Ахиллова пята, слабое место, – поправился он, понимая, что Святославу это неведомо.

– Она все время играла с огнем, и должна поплатиться за это, – не унимался Святослав.

Но в глубине души он чувствовал, что бес прав, ничего не переменится, просто ему хочется заглушить боль предательства. Он смирился, решил оставить все как есть, но случилось неожиданное.

Глава 3 Убийство

Все обернулось неожиданным образом, когда Танька вернулась в свою комнату. Она чувствовала, что все рухнуло, все напрасно, ее просто прогонят по приказу князя, если она попадется ему на глаза. Вот ведь поднялась она на вершину и тут же рухнула вниз. И, кажется, ледяная глыба пронзила ее душу, и начала медленно таять. Она должна была все бросить и уйти, чтобы никогда туда не вернуться, может быть потом, когда Святослава не станет, только тогда она будет злой старухой, и все из-за этой Марии, какой черт принес ее в комнату. А ведь она исполняла все, что ему хотелось. Вот такая княжеская милость, благодарность за все доброе.

Она снова вспомнила его гневный голос, князь требовал, чтобы она убиралась и не появлялась больше, а перед ведьмой собрался оправдываться.

Танька ненавидела Марию с той яростью, на какую только была способна рабская душа. Но прежде, чем она уберется, она отомстит им всем так, что они уже не забудут ее никогда. Она твердо решила, что этой ночью проберется в покои наложницы и расправится с ней. прихватила самый острый нож, Танька тайно радовалась, что так она сможет отомстить князю, а потом пусть ищет ее и делает, что вздумается, она найдет как и где спрятаться. Решила, что отправится она на земли древлян, там князь сроду не появлялся, как го-

ворил ее братец, туда уходя после ссоры с воеводой, и понимая, что в Киеве ему не жить.

Она знала, что там погиб его отец, и он с матерью был в отрочестве, потому и считал, что путь туда ему заказан. Она устроится там как-то, может быть даже замуж выйдет, и будет жить поживать без всякой нужды.

Она готова была стать убийцей, отнять жизнь у той, которая ни в чем не была виновата. Танька поежилась, вспомнив о кухаркином пророчестве и могиле. Старая ведьма беды накаркает. Но нет, все обойдется, и в ее жизни будет счастье, и дом у нее будет не хуже княжеского, но свой дом. Ей просто нужно отомстить и успокоиться.

NoNoNoNoNoNoNo

Мария заснула в тот вечер быстро.

А как часто она полночи не могла заснуть, а потом внезапно просыпалась и не могла понять, что с ней, где она находится.

Луна едва освещала ее комнату, блики падали то там, то тут и все казалось другим, вовсе не прежним.

Но ничто в мире не могло нарушить покой.

Она услышала, как скрипнули двери, а потом шаги к ее ложу. Но не было страха и дурных предчувствий, ей давно никто не желал зла, никто не грозился. Но разве в такие минуты бес мог оставаться спокойным и беззаботным и позволять совершаться такой несправедливости? Но сам он расправляться с ней не собирался, руки мараť не пристало. Он

тряхнул князя и шепнул:

– Ступай к Марии, а то поздно будет.

Он подчинился бесу, и бросился туда, словно стрела, выпущенная из лука. Он сразу же заметил фигуру над кроватью, он видел или чувствовал, что в руках у нее был нож. С ловкостью барса бросился к ней князь, и с такой силой швырнул ее на камни пола, что она грохнулась замертво, и успела себя поранить.

Мария окончательно пробудилась, но не могла ничего понять. Она смотрела то на Святослава, то на тело, похожее на куль с соломой.

– Я нарушил твой покой, эту падаль унесут сейчас.

– Она думала, что убив меня, займет мое место, несчастная, наложницей твоей станет, безумная, сколько их таких еще рядом бродит. Но и ты не будешь прыгать на всех подряд, может это тебя чему-то научит.

– Посмотрел бы я, как ты говорила, если бы не поспел вовремя.

– Велика потеря, – спокойно отвечала Мария, – не дорожу я вовсе этой жизнью, нечего мне бояться, наверное, у Ния в царстве тьмы не будет хуже. Только Морена забирает тех, кто помирать не хочет, а нас оставляет до самой старости.

Так они беседовали около трупа той, которая собиралась лишиться жизни соперницу. Неужели он напрасно спасал ее. Но думал князь даже не о Марии, а о себе любимом.

Труп унесли слуги, больше напоминавшие не людей, а те-

ни. Князь остался у нее, хотя она не просила о том.

Тайна исчезновения служанки никого не волновала, и осталось только привидение, которое могло являться и пугать невинных. Тетка же Танькина боялась даже спросить о том, где она осталась.

Она не смогла стать княгиней, хотя разве с Ольгой происходило не то же самое прежде? Откуда она пришла, прежде чем поселилась во дворце, кем была и кем стала?

И это привидение появлялось в комнате Марии, но причинить врага ей служанка не могла... Но такова жизнь, она никогда не была справедливой.

Глава 4 Призраки в ночи

Святославу редко снились сны. И сновидения были путаны и неразборчивы. Но на этот раз он пробудился в холодном поту. Ему снилась служанка, убиенная им недавно. В каком-то широком белом одеянии она приближалась к нему, протягивала руки и шептала:

– Думаешь, избавился от меня, княже. Не выйдет, я все одно буду с тобой, а когда басурмане твою голову снесут и чашу сделают, я первая из нее мед пить стану, но не за упокой твоей души. А чтобы никогда не было покоя. Страшной будет смерть твоя, ещё какой страшной, – выдохнула она, и захохотала, но что-то скверное звучало в ее смехе.

– Проклятие, – подумал Святослав, – эта змея подколодная все время со мной.

Он вспомнил о матери. Интересно, он никогда не спрашивал, как она нашла отца, как он взял ее в жены, неужели вот так обманом и коварством все и случилось. Но лучше не думать о том. Было в том что-то чудовищное. И Святослав, никогда внимания на чувства не обративший, никак не мог успокоиться.

О какой чаше она говорила? Что с ним еще может случиться? Но все это было для него покрыто мраком тайны.

№№№№№

Во дворец снова пришел старик. Когда он шел к одной

из своих конюшен, решив покататься на любимом жеребце да развеяться.

– Да что они все взбесились? – подумал Святослав, – что это нынче от привидений и колдунов проходу нет?

Но вслух он произнес:

– Это снова ты, старик, – что еще приключилось? Или ты хочешь сказать, что я от коня своего погибну. Но меня ты не проведешь так, как дядюшку. Мой конь останется со мной, – гордо заявил он.

– Да нет, конь тут не виновен, хотел тебе напомнить, что убивая других, ты душу свою бессмертную теряешь.

– Видно судьба моя такова – убивать других, – отвечал князь, – это тебе велено Велесом беречь души. А на том суде, которым вы пугаете, разберутся, кого и за что я убил и изувечил. Я останусь воином, и только воином, мне идти в сражение, а там убивают.

Вскочив на коня, он помчался прочь, а старик еще долго стоял и смотрел. Он видел всю тщетность своих усилий и страшно мучился.

И зачем он только пытается что-то объяснить князю, словно тот станет его слушать. Да и к чему ему Ирий прекрасный, если ему и в Пекле будет хорошо.

Но старик знал главную причину своих бесплодных усилий – он сын Ольги. Уж столько лет и зим нет на земле княгини, да и сам он думает только о душе своей и о том свете, куда все обречены уходить. Но ни одна жена в мире с ней

не сравнится. И хотя княгиня отвергла его когда-то, он любил ее всей душой. Вот и хотел он сказать князю, чтобы тот остерегался, потому что скверно все в его судьбе

Но князь умчался, даже не дослушав его.

– Ну и пусть, – обиженно подумал старик, возвращаясь к себе.

NoNoNoNoNoNo

Старик давно уже хотел поговорить с княгиней, но все время откладывал этот разговор, ему казалось, что время еще не настало. Что успеется. Само ожидание было хоть и утомительно, но приятно. А потом остается только пустота, а пустоты такой не хотелось.

Но сейчас он чувствовал, что жить осталось недолго. Вот только ее непокорный сын никогда этого не узнает.

Вызвать из Ирия душу Ольги оказалось проще, чем он считал. Перед ним появился бледный призрак, появился так быстро, что он даже немного растерялся.

– О, какая радость, ну здравствуй, княгинюшка, – встретился старик, понимая, что все получилось.

– Это тебе здоровья пожелать надо, а мне оно уже не к чему. А я-то гадала, кто про меня тут вспомнил.

– Император ушел в мир теней вчера, вот и хотел тебе о том сказать для начала.

– Помер, говоришь, – переспросила она, словно не слышала, – значит, свидимся скоро там. Ему в чистилище, поди, еще отправиться придется, да все одно недолго ждать

осталось, да и ты надолго тут не удержишься.

– И то правда, Ольга, и мне пора покидать этот мир, вот и хотел на тебя еще взглянуть.

– Как – то и забыла я о том, что тут у нас было, но что там Киев, что мой сын, расскажи о том, коли позвал.

– Сын твой все воюет, все в сражения рвется. Говорят, он смел и отважен, только не мне о том судить. Крут он на расправу больно, мало кто с ним сладить может. Хотел предостеречь его, да слушать он не собирается, – развел руками стари.

– А как тот самый монах, его Мария очень любила, – вдруг спросила Ольга, о чем-то своим вспомнив.

– Сразу после твоего погребения он исчез куда-то, как сквозь землю провалился бедняга, а Мария с князем до сих пор, одна и может противостоять ему только, иной раз оставливает, да надолго ли его остановить можно?

– Она должна была его женой стать. Если бы не расчёты и традиции, – вдруг вспыхнула Ольга, ведь знала я, что не для него Любава, да ничего сделать не смогла...

– Слышал я, что собрался князь переносить столицу из Киева в Переславец, все переменить он хочет, во всем противиться, словно бес в него вселился.

– Бес вселился, – усмехнулась Ольга, – в этом ты не прав. – Ну что же, теперь его время, а мы помешать не сможем. Со временем все на место встанет. Ты только за этим меня звал?

– Не только, – признался монах, – хотел сказать, что только тебя одну и любил в этом мире, никого кроме тебя у меня не было. Не могла ты запретить любить себя, что бы ни делала

– Спасибо, старик, – усмехнулась Ольга, а мне – то чудилось, что ни одна живая душа не любит меня. Долго я о том думала и гадала в Ирии своем, хваталась за мужа, за Олега, за сына. Но один холод и пустота с их стороны были. Даже император только княгиню славян видел во мне. Все против меня тогда было. И без любви была я убогой и сирой.

– Как там, на небесах, – спросил он неожиданно.

– Да как сказать, – пожала она плечами. И хорошо, и плохо, но одно я поняла, нет ничего лучше жизни у человека, хотя она быстро проходит. Если бы была у меня еще одна жизнь, то не князя бы я выбрала, а любовь, тогда и помереть не страшно. Но надо только смириться. Мне пора возвращаться, я и без того задержалась тут с тобой.

Последних слов старик не слышал, в тот самый момент он и помер.

Когда в комнате неожиданно появился Святослав, решив поговорить о самом главном, старик был уже мертв. Он тряхнул его, понимая, что опоздал, остается только сожалеть о том, а потом отошел в сторону.

Почему так получилось? Ему просто не повезло или так и будет в жизни его и дальше. Старик ни о чем не успел ему рассказать.

Святослав позвал слуг и велел готовиться к похоронам. Сам же он чувствовал, что никто больше не сможет ему помочь.

Глава 5 Переезд

Все снялись с мест. Мария еще раз оглянулась на дворец. Ей жаль было покидать его. Она понимала, что монах, если и одумается, теперь ее не найдет. Но прошло достаточно времени, чтобы он приехал за ней, а теперь уж и гадать не о чем.

Они отправлялись в неведомый Переславль, и послушаться приказания князя никто не мог, даже если бы захотел.

Святослав давно задумал перенести столицу, теперь собирался это осуществить. Напрасно она таила надежду, что он остановится и одумается, этого не случилось.

Мария может быть впервые не стала ему перечить, какое-то равнодушие было в ее душе. Пусть будет как будет, так как он этого хочет. Она отправилась к кумирам, расположенным за городом, около Олегова кургана и спросила у князя, стоя у Перуна:

– А как же твой бог, ты его с собой прихватишь?

– Он давно здесь, пусть город охраняет, там мы нового сотворим, – размышлял вслух князь. А в том дворце уже поставили нового кумира.

– Как все легко и просто у тебя выходит, новый дворец, новый бог, там и жизнь видно будет новая. Хорошо, если не хуже этой.

Больше они о Перуне не говорили, кажется, что он навсегда остался в Киеве. Но почему она о том говорила, может,

упрекала его, хотя он о том давно думать забыл. Но и к капризам ее он тоже привык.

– А кто же в Киеве останется, – продолжала пытаться Мария, никто другой все равно не решился бы о том спросить.

– Ты обо всем узнаешь первая.

Князь оглянулся по сторонам, словно искал кого-то.

Подошла Любава вместе с Ярополком (значит он посылал за ними, вряд ли она сама решилась бы появиться перед князем без его ведома, она не такова была в реальности, чтобы послушаться).

Мария заметила, что княжич повзрослел и стал краше прежнего, а княгиня состарилась еще быстрее. Да вообще непонятно, как она еще живет при такой – то жизни. Хотя на ней был великолепный наряд, но она казалась старухой, хотя была младше Марии. Та невольно поежилась.

Они все остановились перед высоким крыльцом княжеского дворца, из толпы в тот момент вышла невысокая, невзрачная женщина, из тех, кого не отличить в толпе. Запомнить ее даже по приказу князя было невозможно. Она остановилась перед Святославом.

– Подойди ближе, – приказал князь.

И только теперь в той самой бабке узнала Мария Малушу – ключницу Ольги. После смерти княгини она куда-то пропала. Хотя говорят, не в первый раз. Но тогда она и не заметила этого. Только зачем пригласил ее молодой князь, ко-

тый относился к ней настороженно.

Святослав заговорил поспешно:

– Вот о чем хочу сообщить вам, – произнес он, – уходя из Киева, я оставляю на киевском столе своего сына Владимира. Чужд мне град сей. Но он хорош для многих, живите и берегите его. Сын мой хотя и молод да умен не по годам, он сладит с вами, а если что сам вернусь сюда. Если придется мне вернуться, то никого не пощажу, ни своих, ни чужих.

И сразу было понятно, что так все и будет.

Он взглянул на Марию, она была удивлена, но не огорчена.

– Знала, что удивишь ты нас, но не думала, что так, – только и произнесла она, – значит, сын рабыни станет князем в Киеве твоём? Тогда моего можно и византийским императором сделать, – подумала она, но вслух этого говорить не стала, решение принято, князь от него не отступится.

Она подумала и о том, что Ольге это должно было понравиться.

– Он же мальчишка, – только и сказала она

– Я мог, и он справится, – слышалось в ответ.

NoNoNoNoNoNo

Святослав пришел в маленький домик на окраине перед тем, как все это свершилось. Малуша, взглянув на него, засуетилась, почти не поднимала глаз, все в пол глядела. Она успела отвыкнуть от вторжений князя, он давно у нее не бывал. После того, когда появилась Мария, он о ней совсем за-

был.

Он велел позвать сына. Она выбежала на двор и крикнула Владимира. Тот вошел в дом и остановился смущенно перед отцом.

Князь сидел на лавке, около окна, смотрел на него сурово. Что-то тяжелое было во взгляде его, словно он был чем-то недоволен.

– Ты знаешь, что я твой отец, – вопрошал Святослав.

– Матушка говорила, – отвечал отрок. Он никак не мог сладить с волнением, и чувствовал, что князю это было не по нраву.

– Вот и я о том самом, да еще кое-что сказать пришел. Уезжаю я из Киева, и тебе стол киевский оставляю.

– Мне? – невольно вырвалось у того, то ли парень не понимал о чем речь, то ли боялся поверить услышанному. Он думал о скверном, а не о добром в первую очередь.

– Сделаю тебя князем, – отвечал тот. Ярополк еще молод и не хочет он о том думать, пусть подрастет немного, у него свой град будет пока я жив, а Киев тебе, бабка твоя была бы рада, что я так решил. Завтра обо всем и объявлю.

Владимир молчал, он мало что понимал, и боялся гнева отца, который всегда был не сдержан в порывах своих. Даже то, что он был так близко, пугало и угнетало парня.

Он пытался понять, какое отношение имеет его матушка, которую он стыдился к этому человеку? Но если матушка ничего не придумала, и он говорит, что отец, так не все так

плохо, – выдохнул чуть спокойнее Владимир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.